

№ 449

2425

А. ЧВР-НЪ

У Великогѣ Тивателѣя

СОСТАВЛЕНО
ПО
ЛИЧНЫМЪ
ВОСПОМИНАНІЯМЪ
И
ВПЕЧАТЛѢНІЯМЪ

А. Чер—нъ.

У ВЕЛИКАГО ПИСАТЕЛЯ.

Составлено

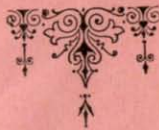
по

личнымъ

воспоминан-

нiямъ и

впечатлiнiямъ.

Оригинальный рисунокъ съ натуры
художника Рѣпина.

У ВЕЛИКАГО ПИСАТЕЛЯ

(ИЗЪ ЛИЧНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ И ВПЕЧАТЛѢНІЙ).

СОДЕРЖАНІЕ:

Предисловіе. Поѣздка въ Ясную Поляну. Беседа со Л. Н. Т. Побудит. причины посѣтить его. О воспитаніи. Два взгляда на міръ. Отношеніе духа и матеріи. Духовное начало въ человѣкѣ. Главныя основы этики Т.—го. Исканія его. Идеаль. Объ истинной жизни. Последніе мои вопросы къ Т.—му. Заключение.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Типографія В. И. Иванецкаго.
1908.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Приступая къ составленію этой брошюры, я далеко отъ мысли внести что-либо новое, еще неизвѣстное для читателя, стоящаго въ курсѣ текущей литературы, о личности или произведеніяхъ знаменитаго нашего писателя. Уже цѣлая литература создавалась и продолжаетъ расти объ этомъ предметѣ и у насъ, и еще болѣе за границей *). Нѣтъ! Это не болѣе какъ воспоминаніе о моей (дѣтней) поѣздкѣ въ 1907 г. въ имѣніе графа Льва Николаевича Толстого — Исную Поляну», (находящееся въ Крапивненскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи), сложившееся подъ сѣблкимъ впечатлѣніемъ этого важнаго лично для меня обстоятельства въ моей жизни и вытекающаго отсюда чувства благодарности и желанія закрѣпить на бумагѣ видѣнное мною и слышанное непосредственно отъ самого незабвеннаго моего ментора, у котораго я учился жить, мыслить, чувствовать, испытывая его благотворное вліяніе на себѣ на протяженіи времени болѣе 20 лѣтъ, и почтить Льва Николаевича чѣмъ могу и какъ умѣю, проведенныя минуты у котораго никогда не изгладятся изъ моей памяти.

И вотъ, берусь за слабое перо свое, потому что не въ состояніи отказать себѣ въ неопредѣлимой потребности души — подѣлиться съ друзьями своими назрѣвшими мыслями, возбужденными этимъ послѣднимъ воспоминаніемъ и вызванными имъ впечатлѣніями юности, проведенной мною въ стѣнахъ Московскаго университета, а себѣ — отказать въ томъ живѣйшемъ наслажденіи, которое предвѣщаю получить при исполненіи этой моей работы.

Разумѣется, при писаніи своемъ я имѣлъ въ виду прежде всего соиненія самого Л. Н.—ча, а затѣмъ уже

*) Произведенія Л. Н.—а имѣются въ настоящее время въ переводѣ на 10 культурныхъ языкахъ, что наглядно придаетъ всемірній или общечеловѣчскій характеръ литературной дѣятельности нашего славаго писателя. [«Гр. Л. Н. Т., какъ писатель всемірный», сост. Драгачовымъ, стр. 4].

II

тѣхъ писателей, которые въ свое время сказали свое слово о нихъ, или которые трактовали о тѣхъ же предметахъ, что и Л. Н., и которые такъ или иначе помогли мнѣ понять его творенія *). Особенно полезны оказались для меня въ этомъ отношеніи В. Бѣлинскій (первыми 3-мя томами своихъ сочиненій) и Ж. Пейо (своимъ капитальнымъ трудомъ «Воспитаніе волн»).

Каждый изъ нихъ съ своей особой стороны освѣщали и уясняли мнѣ изучаемый предметъ.

Ихъ взглядовъ я и буду придерживаться въ своемъ изложеніи.

И по мѣрѣ того, какъ работа моя подвигалась впередъ, программа моя расширялась и, въ концѣ концовъ, мысленно вновь прошла въ всѣ главнѣйшіе вѣхи, встрѣтившіяся мнѣ на пути, который въ дѣйствительной жизни привелъ меня къ знанію того, безъ чего я не могъ бы жить и ко вступленію черезъ то въ тотъ особый міръ, міръ знанія, мысли, поэзіи, въ который ввелъ меня изучаемый мною писатель и изъ котораго, я чувствую это, никогда уже не выйду.

Когда работа моя была кончена, я еще разъ съѣздилъ въ «Ясную Поляну», чтобы просить Л. Н.—а просмотрѣть мою рукопись. И онъ былъ настолько добрѣ, что не отказалъ мнѣ въ этомъ. По прочтеніи ея, тутъ же, при мнѣ, Л. Н. написалъ къ одному изъ (московскихъ) книгоиздателей письмо **) и вручилъ его мнѣ. Оно заканчивается слѣдующими словами: «онъ написалъ свои воспоминанія о мнѣ, о настоящемъ мнѣ, и предлагаетъ напечатать ихъ. Я ихъ вполне, болѣе чѣмъ одобрилъ, и сдѣлалъ только нѣсколько замѣчаній, которыя онъ передастъ вамъ. Левъ Толстой.
26 декабря 1907 г.»

*) Съ чувствомъ благодарности вспоминаю ихъ имена: Сергѣенко, Булановскій, Вирюковъ, Левенфельдъ, Михайловскій, Дистерло, Мирскій, Г. Петровъ, Н. Страховъ, Ф. Страховъ, Мережковскій, Амель, Громека, Е. Соловьевъ, Измайловъ, Сейронъ, Александровъ, Рѣпинъ, Стасовъ, Леонтьевъ, Марковъ, Вогюзъ, Тенеромо, Гусевъ, Чеховъ, Чупровъ, Трубецкой, Сильчевскій, Гинзбургъ, Ив. Ивановъ и др.

**) Подлинное письмо хранится у меня какъ клейнодъ. А. Ч.

У ВЕЛИКАГО ПИСАТЕЛЯ.

(Изъ личныхъ воспоминаній
и впечатлѣній).

Живя, я жить хочу не въ жалкомъ опьянеңи,
Боясь себя «Зачѣмъ» пытливо спросить,
А такъ, чтобъ въ каждомъ днѣ и въ часѣ, и въ
мгновеньи
Таился-бъ вѣчный смыслъ, дающій право жить.

О, нѣтъ! не вѣрю я! Не* вовсе заглушили
Въ насъ голосъ истины корысть и суета,
Еще настанетъ день... Вдохнете и жизнь и силу
Въ нашъ обветшалый мѣръ ученіе Христа!

..
*) Надсонъ.

Но гдѣ тотъ вѣкъ проводникъ,
Что скупъ на рѣчи, щедръ на дѣло,
Что заглушивъ страстей языкъ—
Идя на подвигъ честно, смѣло,
Благой примѣръ являть привыкъ
Толпѣ въ неправдѣ закоснѣлой?

Гдѣ онъ? Насъ къ безднѣ привела
Стезя безвѣрья и порока:
Рабамъ позорной лжи и зла
Пошли, пошли, Господь, пророка,
Чтобъ рѣчь его намъ сердце жгла,
И содрогнулись мы глубоко!

А. Плещеевъ.

* * *

Долго я собирался побывать у маститаго писателя, котораго лично зналъ, болѣе 20) лѣтъ тому назадъ, бывая неоднократно у него въ домѣ въ Москвѣ во время моего студенчества въ 80-хъ годахъ, такъ долго, что наконецъ и домашніе, и

близкіе знакомые мои начали приставать ко мнѣ съ неотвязчивымъ вопросомъ: когда же вы соберетесь, пока я, наконецъ, не рѣшилъ, что медлить болѣе нечего, дождался первого безукоризненно хорошаго дня—1-го июля—собрался, сѣлъ на самый быстроходный пароходъ «Общества пароходства по Волгѣ» и покатилъ въ знаменитую «Ясную Поляну», которую такъ поэтически описалъ въ своей книгѣ г. Сергѣенко *), въ которую особенно въ послѣдніе годы такъ усердно ѣздить и ходять представители интеллигенціи и простого народа, въ которой ежедневно получается ея обитателемъ обширѣйшая корреспонденція всякаго рода чуть ли не со всѣхъ концовъ свѣта, но въ которой я еще никогда не бывалъ, хотя и имѣя на это нѣкоторое несомнѣнное нравственное право.

Еду на пароходъ внизъ по Волгѣ-рѣкѣ. На пароходѣ на этотъ разъ нѣтъ ни особыхъ происшествій, ни интересныхъ сценъ, ни занимательныхъ разговоровъ, ни разудалой шутки, ни гармоничной съ пляской. А потому взоръ мой невольюно обращается на красоты самой матушки-Волги. Мелькають луга, деревни, лѣса, заводы. Всѣмъ давно знакомы картины, но и всегда милыя моему сердцу!

Но вотъ и Ярославль. Не теряя времени, ѣду на повѣздъ Московско-Архангельской ж. д. и переѣзжаю въ самый разъ. Всю ночь ѣду. Просыпаюсь уже въ Бѣлокаменной. Не останавливаясь въ ней долго, а только, заѣхавъ къ своимъ роднымъ, ѣду прямо на Московско-Курскій вокзалъ, чтобы

*) «Какъ живетъ и работаетъ гр. А. И. Голубой», со многими рисунками (ц. 2 р. 50 к.).

не пропустить ближайшаго поѣзда. Узнаю тамъ, что поѣздъ отходитъ въ 9 1/2 ч. утра, что для меня весьма удобно, потому что долго ждать отхода поѣзда не приходится. Предстоитъ ѣхать до Тулы 182 версты, — значить часовъ 6—7. Буду. Это путешествіе также не представляетъ ничего особо выдающагося для наблюдательнаго туриста, кромѣ развѣ того, что вагонъ, въ который я случайно попадаю, оказывается наполненнымъ преимущественно женщинами съ грудными дѣтьми, кричащими, плачущими.

На станціи Подольскъ является въ вагонъ сборщикъ на построеніе храма; онъ, осмотрѣвшись, держитъ къ публикѣ затверженную рѣчь, призывающую къ пожертвованію, обходитъ всѣхъ пассажировъ и за каждое подаваніе, вознося взоры горѣ, благодаритъ, произнося, какъ бы отчеканивая каждое слово, неизмѣнную фразу: «Прими же, Господи, подаваніе наше во имя нашего спасенія». И вслѣдъ затѣмъ тотчасъ же слышится опять: «Прими же, Господи, подаваніе наше во имя нашего спасенія».

Передъ Серпуховымъ, входитъ нагруженный книгами книгоноша отъ Общества распространенія книгъ священнаго писанія. Покупаю у него карманнаго формата въ изящномъ переплетѣ за баснословно дешевую цѣну евангеліе, на память. На слѣдующей станціи входитъ и подсаживается ко мнѣ какой-то пассажиръ, повидному, мелкій торговецъ и, полюхвая Чумаковскій табакъ, и радушно угощая имъ собесѣдъ, охотно вступаетъ въ разговоръ со мною — и о Москвѣ, и о Серпуховѣ, и о своихъ торговыхъ предпріятіяхъ, уда-

чахъ и неудачахъ. Оказывается, человекъ онъ бывалый. Онъ занимаетъ меня почти всю дорогу.

Въ Тулу прѣзжаю въ 5-мъ часу вечера. Здѣсь мой поѣздъ стоитъ долго. Успѣваю обозрѣть окрестности. Изъ одного окна моего вагона виденъ товарный поѣздъ, нѣсколько вагоновъ котораго нагружены откормленными, спокойно лежащими, съ розоватой кожей, чистыми боровами, съ другой стороны высится вокзалъ — бѣлый, высокій, но какой-то мрачный. Иду въ него выпить стаканъ чаю, внутри его тоже темнота, неуютно, безлюдно. Въ самой Тулѣ не рѣшаюсь быть: до города не близко, (да и самый городъ не интересенъ, сколько я знаю объ этомъ по слухамъ, невзраченъ, грязенъ).

На всякій случай запасаясь провизіей въ дальнѣйшій путь. Сажусь на другой поѣздъ, идущій въ Орелъ. Оглядываю вагонъ, — ни души. Вошедшаго кондуктора спрашиваю, гдѣ удобнѣе сойти, чтобы пробраться въ Ясную Поляну. Кондукторъ ничего не можетъ объяснить. Диву даюсь. Больше спрашивать не у кого. Но вотъ входитъ другой кондукторъ, обращаюсь къ нему и узнаю: можно сойти на 1-мъ полустанкѣ (Козловой-Засѣкѣ), отъ него 3 версты до Ясной Поляны, но на немъ не бываетъ извозчиковъ; можно сойти на 2-мъ — въ Щекинѣ (онъ же Ясенки), отсюда 7 верстъ до Ясной Поляны, и на немъ всегда бываютъ лошади — и одиначки, и пары, и тройки. Рѣшаю ѣхать до Щекина. Поѣздъ нашъ наконецъ двигается. Идетъ медленно. Какое-то безпокойство и нетерпѣніе растутъ во мнѣ по мѣрѣ приближенія къ цѣли. Вотъ и Щекино. Услужливые и, какъ вез-

дѣ. назойливые возницы обступаютъ меня плотной стѣной, предлагая свои услуги.

— Извольте, сударь, я васъ доставлю живымъ манеромъ, куда прикажете, и не дорого возьму съ вашей милости — выкрикиваютъ они, перебивая другъ друга...

Извозчикъ, наконецъ, нанять.

Высокій, типичный отставной солдатъ въ короткомъ поружѣломъ, подпоясанномъ ремнемъ пальто, ѣдетъ, безпрестанно привставая на подножкѣ, похлестывая лошадь, а временами и совсѣмъ соскакивая съ козелъ, чтобы сильнѣе настегать лѣнливую ли, съ заробомъ ли, или голодную лошаденку свою, останавливающуюся періодически какъ вкопанная. Точно ей не хотѣлось везти меня туда, куда я такъ стремился, сиѣшилъ. А ѣдемъ по хорошему шоссе! Съ возбужденнымъ возницей не удается сказать ни одного слова во весь путь. Между тѣмъ погода мнѣ совсѣмъ измѣнилась и совершенно уже не благоприятствуетъ дальнѣйшему моему путешествію: вѣтеръ усиливается, отъ надвигающихся тучъ темнѣетъ, становится прямо таки холодно. Кругомъ какъ - то безлюдно, пустынно. Невольно вспоминается Пушкинъ со своимъ пророчествомъ о себѣ: «къ нему не заростетъ народная тропа,» наводящимъ на сравненіе. А вотъ здѣсь къ современному великому писателю путь еще такъ мало проторенъ! За версту не доѣзжая до имѣнія, сворачиваю влѣво. Начинается грязная, сбитаая то на одну, то на другую сторону проселочная дорога. Тамъ и сямъ пахутъ и боронятъ. Особенно почему-то приковываютъ вниманіе мое два маленькихъ крестьянскихъ

мальчугана—одинъ съ бороной, другой съ плугомъ, а лошади при нихъ такія высокія и рослыя. И что они, такіе маленькіе, тутъ дѣлають, думалъ я? Неужели работаютъ? Вотъ видна усадьба: бѣлый двухъэтажный, утопающій въ зелени, домъ. Проѣзжаю деревню «Ясную Поляну». Печалень видъ ея! Грунтъ широкой дороги въ деревнѣ глинистый, вязкій, съ глубокими колеями. Тутъ мой конь чуть-было совсѣмъ не остановился, такъ что я думалъ: придется, видно, идти пѣшкомъ до усадьбы-то,—благо недалеко. Постройки деревни вперемѣжку то деревянныя, то каменные, то высокія, то низкія; у каменныхъ соломенные крыши, народу почти не видно. А какимъ чуднымъ уголкомъ Малороссіи выгладитъ эта деревенька у того же г. Сергѣенко, на номѣщенномъ въ его книгѣ рисункѣ, изображающемъ эту деревню!

Китайская поговорка вѣрно говоритъ: путь къ добродѣтели ведетъ черезъ пустыню...

И такъ вотъ какія неожиданности встрѣчаетъ на своемъ пути тотъ, кто пробирается въ знаменитую Ясную Поляну. Если бы я сошелъ съ поѣзда на I-мъ полустанкѣ и рѣшилъ пройти пѣшкомъ, что я и подумывалъ сдѣлать, если бы зналъ, куда идти, въ какую сторону, то путешествие было бы совершенно разнообразнымъ: и водою, и по желѣзной дорогѣ, и на лошадяхъ, и пѣшкомъ. Но въ общемъ все идетъ, какъ по писанному.*) Вотъ и двѣ башенки каменныя, бѣлыя.

*) Въ той же прекрасной книгѣ Сергѣенко «Какъ жить и работать г-р. Д. Н. Т.»

Также художественно описана, но болѣе съ внутренней стороны, жизнь Д. Н. Т. въ задушевнѣйшей и замѣчательнѣйшей по теплотѣ чувства статьѣ Н. Бульбовакаго: «Идеи военнопленныхъ о Д. Н. Т-мѣ» (въ Русской мысли за Мартъ 1907 г.)

съ дочечкой на одной изъ нихъ, съ какой то надписью. Вѣзжаю въ паркъ, который длинной березовой вѣковой аллеей приводитъ къ самому дому.

Подъезжаю къ террасѣ, на пей за столомъ вижу большое общество дамъ, мужчинъ, дѣтей.

Это — обѣдъ.

Часы показываютъ 6 ч. 5 м. вечера.

Извозникъ повернулъ направо за террасу. Подъезжаю къ подъѣзду. Встрѣчаетъ официантъ, спрашиваетъ, что угодно.

— Желалъ бы видѣть графа Льва Николаевича.

— Графъ сейчасъ только сѣли кушать. А вамъ по какому собственному дѣлу нужно ихъ видѣть?

— Графа или графиню? допрашиваетъ онъ меня.

Но прежде, чѣмъ я успѣлъ объяснить цѣль своего прибытія, выходитъ самъ Л. Н., приближается ко мнѣ, вопросительно — пытливо вглядываясь въ мое лицо. — Одѣтъ онъ въ обычный свой костюмъ — блузу, на этотъ разъ парусинную.

Я узналъ его сразу — такъ мало, показалось мнѣ, измѣнился онъ за эти 20 лѣтъ, или, лучше сказать, такъ хорошо онъ сохранился! Только похудѣлъ, посеохся какъ-то, посѣдѣли и порѣдѣли волосы на головѣ и бородѣ. Но выраженіе глазъ тоже, свидѣтельствующее о непрерывающей внутренней духовной работѣ.

— Что вамъ угодно? Чѣмъ могу служить? Кто вы? Вашу фамилію не могу припомнить, задалъ онъ мнѣ вопросы, очевидно не сразу меня признавая.

Я назвал себя, напомнивъ 80-е годы, его домъ, Москву.

— А, это вы, который первый начали переписывать мои сочиненія! воскликнулъ онъ, вспоминая меня окончательно.

— Очень радъ, очень радъ, раздѣвайтесь!

И, указывая впередъ рукою, идя сзади меня, онъ провелъ меня въ прихожую, гдѣ стоятъ по 2 стѣнамъ 3 большихъ желтыхъ, лакированныхъ, со стеклами шкафа, полные книгъ, и вѣшалка, полная верхнихъ одѣвий, шляпъ, фуражекъ. Далѣе идетъ комната для прѣзжающихъ; обстановка ея самая простая, студенческая: столъ, диванъ, кровать, умывальникъ, два кресла, стулья, двѣ картины какого-то аллегорическаго содержанія на противоположныхъ стѣнахъ, шкафъ, въ которомъ за стекломъ видны два гипсовыхъ бюста Л. Н-ча, вотъ и все.

Оставшись наединѣ и скинувъ пальто, я принялся было разсматривать подробнѣе обстановку комнаты, заглянулъ въ садъ, какъ вдругъ въ нее вошелъ одинъ изъ сыновей Л. Н-а и пригласилъ меня обѣдать.

Идемъ на террасу.

Л. Н. поднимается изъ-за стола, еще разъ подаетъ мнѣ руку, представляетъ своей супругѣ и сразу всѣмъ гостямъ. Указываетъ мнѣ мѣсто.

Пришлось занять свободный стулъ черезъ гостью отъ него и рядомъ съ гостемъ. За столомъ сидѣло человекъ 15, родственники больше, и молодая чета съ Кавказа, какъ я узналъ потомъ. Продолжались начатые обычные разговоры на совре-

менья темы. Слышался смѣхъ, произносились имена извѣстныхъ общественныхъ и государственныхъ дѣятелей, рассказывали о выдающихся случаяхъ экспроприаций въ разныхъ мѣстахъ отечества. То справа, то слѣва задаются явля моими собесѣдами вопросы о сторонѣ, изъ которой прибылъ. Отвѣчаю, стараясь ориентироваться, всмотрѣться въ окружающую обстановку, въ лица присутствующихъ, въ костюмы, все замѣтить, все запомнить.

Л. Н. за столомъ разговариваетъ то и дѣло: то спрашиваетъ кого, то отвѣчаетъ на обращенные къ нему вопросы, — какъ — будто для него ѣда совершенно второстепенное дѣло. Какъ онъ ѣлъ, я не замѣтилъ; я успѣлъ его спросить лишь о томъ, дѣйствительно-ли по болѣзни оставилъ свой постъ администраторъ А. въ его губерніи, или у него были на это особья соображенія.

— Да-а! Это человѣкъ дѣйствительно больной, отвѣчалъ протяжно Л. Н., это достойный человѣкъ, я его давно знаю и очень уважаю его.

— О посѣщеніи его вами, Л. Н., сообщалось въ газетахъ, я потому васъ спрашиваю.

— Да-а? опять протянулъ Л. Н., а я не читаю, что газеты пишутъ обо мнѣ; вотъ домашніе читаютъ и иногда сообщаютъ кой-какія повости, но объ этомъ мнѣ не говорили.

Внучку, сидящему противъ него, Л. Н. рассказываетъ, какъ крестьянинъ Н. со своимъ сынишкой П. строить мостъ черезъ канаву противъ воротъ своей избы, и какъ усердно послѣдній помогаетъ отцу въ этой его работѣ.

Далѣе слышу, какъ Л. Н. перекинулся длинной французской фразой съ одной изъ дамъ, возбудивъ ея смѣхъ.

По поводу разсказовъ одного изъ гостей, Л. Н. замѣтилъ:

— И какое же это чувство «самоотверженная месть», какъ вы говорите, къ которой призываетъ С. русское общество въ борьбѣ съ экспроприаторами? Это какое-то новое чувство, что-то непонятное?..

И Л. Н. вопросительно обвелъ взглядомъ присутствующихъ, какъ бы ища выраженія сочувствія или возраженія на свое замѣчаніе.

Л. Н. за столомъ сидитъ прямо, но не принужденно, какъ ученикъ въ классѣ, вѣсть хладно-ровно, не спѣша и не медля. Блюда за столомъ преимущественно вегетаріанскія *); но для желто-лицихъ есть и мясныя. Вотъ меню: ботвинья, супъ, рисъ, бисквиты. За столомъ присаживаются два «человѣка» — одинъ въ обѣдочной визиткѣ, другой въ обѣлой тужуркѣ со свѣтлыми обѣлыми пуговицами. Закончилъ свою трапезу Л. Н. тѣмъ, что налилъ въ стаканчикъ до $\frac{1}{3}$ вина Ай-Петри, долилъ водою и, закусывая сухарикомъ, занялъ этимъ пациткомъ.

Изъ-за стола начали подниматься, и стали расходиться группами, каждая въ свою сторону. Двое изъ гостей приступили къ игрѣ на биксѣ, стоящемъ тутъ же на террасѣ. Съ нея видѣлся въ отдаленіи съ одной стороны лаунъ-теннисъ, съ другой такъ называемое «дерево бѣдныхъ», со столикомъ и скамьями подъ нимъ. Скоро наверху дома послышался звукъ рояля. Хозяйка дома, за-

*) О значеніи вегетаріанства см. ст. Л. Н.—а «Первая ступень».

Благотворное вліяніе на себя этой діеты испыталъ ищущій эти строки въ теченіи $1\frac{1}{2}$ года.

Л. Н. вегетаріанствуетъ болѣе 30 лѣтъ.

мѣчательно молодежавая на видъ, бодрая, оживленная, принесла показать своей работы фотографію съ 900 дѣтей изъ Тулы, пріѣзжавшихъ къ нимъ въ «Исную Поляну» въ гости за 2 дня до меня — 30 іюня. Работа вполнѣ удовлетворительная, всѣ почти дѣтскія личики вышли отчетливо. Я отправился въ ту же комнату для пріѣзжающихъ. Не прошло 10—15 минутъ, какъ въ нее вошелъ самъ Л. Н.

— Ну, вотъ теперь мы можемъ съ вами побесѣдовать, сказалъ онъ ласково-привѣтливо. Давно же мы съ вами не видались! Съ 80-хъ годовъ, вы говорите? Я за это время—вотъ какъ постарѣлъ. Умирать собираюсь.

— Полноте, что вы говорите, Л. Н.! Вамъ пожить и пожить нужно, возразилъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ я желалъ бы умереть, чтобы перестать видѣть это возмутительное безобразіе нашей жизни... Посмотрите, что дѣлается кругомъ, всюду. Вѣдь это ужасъ! Христосъ запретилъ сердиться на ближнихъ, а у насъ и убить грѣхомъ не считается...

И Левъ Ник. пустился въ анализъ и критику современной дѣйствительности...

Затѣмъ онъ обратился ко мнѣ съ рядомъ вопросовъ,—показавшихъ мнѣ, какъ онъ хорошо припомнилъ меня,—гдѣ я теперь живу, чѣмъ занимаюсь, много ли зарабатываю, сколько у меня дѣтей, гдѣ учатся, здорова ли жена.

— А вамъ сколько лѣтъ? Поди лѣтъ 50?

— И угадалъ.

Теперь я увидалъ, что Л. Н. вспомнилъ меня хорошо, напомнивъ мнѣ такія обстоятельства въ моей жизни, о которыхъ я когда-то рассказывалъ

ему, но о которыхъ къ этому времени и самъ позабылъ.

Такая память его меня удивила.

— А скажите, ваши дѣти революціонеры? спросилъ онъ.

— Не бомбисты, Л. Н., отвѣчалъ я, но въ извѣстномъ смыслѣ протестанты.

— Да, теперь это всюду такъ, подтвердилъ Л. Н., но бѣда не въ этомъ, а въ томъ, что у современныхъ дѣтей нѣтъ религіозной основы. Не проникнуты они духомъ Христова ученія. А безъ этого они никогда не будутъ застрахованы отъ колебаній, отъ шатанія въ мысляхъ. Главное въ воспитаніи — это пробудить въ ребенкѣ сознаніе его божественной природы, заставить въ немъ наклюнуться этотъ ростокъ.

— Какъ идетъ ваша школа, Л. Н.?

— Ничего! Дѣти учатся охотно. Вотъ и сейчасъ четверо придутъ ко мнѣ. Я читаю имъ обыкновенное, синодальнаго изданія, евангеліе — избранныя мѣста, заключающія нравственное ученіе, и изъ своего «краткаго изложенія». 7-ми лѣтніе кой-что понимаютъ изъ «Круга Чтенія» *), а котэрые постарше, этакъ 10 12 лѣтніе, такъ тѣдаже и очень удовлетворительно. Теперь я кончаю специально для нихъ составленный «Кругъ Чтенія».

— И скоро мы, Л. Н. увидимъ его въ печати?

— Къ осени думаю напечатать. Сдѣлалъ уже подборъ изреченій для 400 дней, но просмотрю

*) Это собраніе мыслей мудрецовъ всѣхъ народовъ и временъ объ истинѣ, жизни и поведеніи, расположенныхъ по днямъ на *круглый* годъ; это — сокровищница мудрости человѣчества.

еще и еще разъ написанное, и можно будетъ болѣе трудное для ихъ пониманія исключить. Вообще я преподаю дѣтямъ нравственное ученіе, уча ихъ жить такъ, чтобы, не измѣняя условій своего крестьянскаго быта, они могли жить счастливо, не дѣлая зла другимъ, приближаясь къ Богу...

— Вы всё читали мои сочиненія? спросилъ Л. Н. послѣ минутной паузы.

— Да, читалъ, кажется, всё, кромѣ «о. Сергія» и «Хаджи-Мурата».

— Ну, и что же? Къ чему вы пришли? Какой выводъ сдѣлали изъ нихъ для себя?

— Они помогли мнѣ уяснить смыслъ жизни. Теперь я увидѣлъ нѣкоторый просвѣтъ въ области нравственнаго. Прежнія сомнѣнія поразсѣялись, Стало спокойнѣй на душѣ.

— А это уже много значить, что вамъ уясняется смыслъ жизни, радостно — восторженно воскликнулъ мой собесѣдникъ. Да, это самое важное въ жизни и есть! Безъвсего можно жить, только не безъ этого.

— Ну, и «о значеніи русской революціи»* мою статью читали.

— Да, и глубокую и вмѣстѣ радостную мысль въ ней я понялъ. Во многихъ мѣстахъ я просто вскрикивалъ отъ восторга. Жизнь человѣческая, Л. Н., пренеполнилась бы счастія, еслибы эти идеи были поняты и приняты людьми. Да и вообще, кажется, я рѣшительно все** написанное вами пе-

*) Мысль та, что всё современные бѣды отъ того, что люди забыли Бога, спасеніе въ томъ чтобы, узнавъ законъ Бога, держаться его одного, а для того самое удобное положеніе — земледѣльческая жизнь.

***) Болѣе 40 названій сочин. Л. Н.-ча!

речиталь и, думается мнѣ, удовлетворительно переработалъ въ своемъ сознаниі, а время и дальнѣйшее размышленіе, я надѣюсь, помогутъ окристаллизоваться моимъ впечатлѣніямъ въ положительные принципы поведенія, въ руководящія идеи. Теперь мнѣ остается только глубоко и отъ всей души благодарить васъ.

— И вы говорите, раздѣляете всѣ эти мои взгляды?

— Да.

— И ваши знакомые?

— Не всѣ, но нѣкоторые, и то отчасти.

— Да! сказалъ Л. Н. Идеи распространяются не вдругъ. Для идеи нужно время для ея роста. Наше общество живетъ подъ вліяніемъ гипноза, внушенія. Мало кто думаетъ самостоятельно.*) Особенно женщины... Женщина — это преданіе. Ну, какъ повѣрить жена мужу, когда онъ одинъ говоритъ ей одно, а весь свѣтъ говоритъ ей другое? Вотъ тутъ и сказывается гипнозъ. У нихъ главное, чтобы получше пирожекъ выпечь, да чтобы салфетки были почище, а что до мыслей, то онѣ бываютъ вполне довольны тѣми, которыя имъ достались отъ отцовъ и дѣдовъ по наслѣдству. А навязывать свои мысли никому нельзя. И остается терпѣливо переживать то, что видишь. Это... такое настроеніе общества пройдетъ. Нужно только совершенствоваться каждому себя нравственно, памятуя, что въ каждомъ человѣкѣ есть Духъ Бо-

*) О томъ же см. поучительнѣйшую книгу «О воспитаніи воли» Ж. Пейно, — стр. 65.

жій.*) Нужно совершенствовать свою душу въ любви.**) И если положить въ этомъ одну свою жизнь, то можно достигнуть того мира, спокойствію душевнаго, при которомъ нечего будетъ больше желать, ничего не будетъ страшнаго въ жизни, и все будетъ хорошо, и всякіе вопросы тамъ—и политическіе и соціальные—разрѣшатся сами собой, какъ нельзя лучше. Главное, повторяю, нужно совершенствовать себя нравственно.

Л. Н. сидѣлъ все это время въ креслѣ у стола противъ меня, опершись на лѣвую руку. Только что онъ высказалъ это свое послѣднее слово, какъ дверь въ прихожей за улицу отворилась и показались тѣ дѣви, о которыхъ мнѣ Л. Н. говорилъ раньше. Онъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе въ ихъ сторону. И тутъ я догадался, что бѣсѣдѣ нашей пришелъ конецъ... И, скрѣпя сердце, я поднялся, поблагодаривъ радушнаго хозяина за все и началъ прощаться. Л. Н. проводилъ меня въ прихожую—стоялъ передо мною, помогая мнѣ отстегать пальто среди другихъ и, наконецъ, напутствуемый добрыми его пожеланіями, я направился къ двери, черезъ которую виденъ былъ уже дожидавшійся меня мой возница. Часы показывали 7¹/₂ веч. Я боялся опоздать къ поѣзду, а потому

*) Каждое существо есть органъ Бога и не только отдѣльно, но есть особенное, единственное въ своемъ родѣ существо и можетъ производить единственную, только ему свойственную, работу. Такъ говаривалъ нѣкогда Л. Н., припоминаю теперь. Ч.

**) Раньше Л. Н. высказывалъ: служеніе Богу и людямъ, любовь, это тотъ клубокъ, который въ сказкѣ волшебница даетъ юношѣ, чтобы онъ шелъ туда, куда, разматываясь, покатится клубокъ. Такъ и въ жизни идти надо туда, куда поведетъ разматывающійся клубокъ любви, а куда онъ приведетъ, мы знать не можемъ, а если будемъ воображать, что знаемъ, то собьемся съ дороги...

торопилъ извозчика, который для сокращенія ли пути. или, чтобы избѣжать грязи, повезъ меня нѣсколь- ко янымъ путемъ.

— Чей это лѣсъ, спросилъ я, когда мы вы- ѣхали изъ аллеи въ поле.

— Казенный, суарь, отвѣчалъ нехотя воз- ница. И больше мы съ нимъ не сказали ни сло- ва: теперъ онъ спѣшилъ, опять волновался и уси- ленно погонялъ лошадь.

Дорогою я думалъ: виртуозомъ взяты 2—3 аккорда, а любителю и достаточно этого для того, чтобы вспомнить всю оперу въ ея цѣломъ, со всѣ- ми ея чудными мотивами, со всѣми безконечно разнообразными оттѣнками.

Сказано было Л. Н-чемъ всего навсего о вос- питаніи да о само совершенствованіи, а между тѣмъ тутъ сказано многое, почти все, что нужно знать человѣку.

Постараюсь же припомнить мысли, высказы- ваемыя Л. Н-мъ раньше на эти же темы.

Но прежде скажу, что влекло меня въ Ясную Поляну.

Побужденіемъ посѣтить Л. Н-ча послужили для меня слѣдующія соображенія:

Сказывалась непреодолимая нравственная по- требность повидаться со старымъ знакомымъ, съ глубокоуважаемымъ человѣкомъ-братомъ, съ кото- рымъ судьба свела меня въ жизни такимъ чуд- нымъ образомъ. (Л. Н. какъ то еще въ Москвѣ у себя высказалъ мнѣ: видно, самъ Богъ свелъ меня съ вами). Хотѣлось убѣдиться, все тотъ же ли у него духовный обликъ, не претерпѣлъ ли онъ какихъ либо измѣненій, если не въ существѣ, то

въ направленіи мыслей, хотѣлось слышать непосредственно отъ него самого подтвержденіе живымъ словомъ того, что какъ писатель изобразилъ онъ въ своихъ произведеніяхъ, хотѣлось видѣть, какъ живетъ, какъ работаетъ для безсмертія Левъ Толстой, какъ чувствуетъ себя великій моралистъ и къ чему пришелъ онъ въ жизни со своимъ міросозерцаніемъ за эти 20 лѣтъ, и наконецъ, хотѣлось имѣть самый вѣрный портретъ Л. Н—ча, такъ какъ изъ цѣлой серіи, имѣющихся у меня снимковъ я не могъ выбрать наиболѣе сходнаго съ оригиналомъ. При всемъ этомъ было опасеніе, не захворалъ бы Л. Н чь, и тогда домашніе его, конечно, никого къ нему не допустили бы, и, наконецъ, могъ бы и умереть кто-либо изъ насъ— Л. Н. или я. Таковъ ужъ печальный удѣлъ нашъ здѣсь на землѣ: или мы кого нибудь неожиданно оставляемъ, или насъ кто-либо невзначай покидаетъ...

И вотъ я имѣю теперь самый вѣрный портретъ Л. Н—ча, имѣю самое вѣрное представленіе о наружности великаго писателя. Долженъ при этомъ сказать, что всѣ вообще портреты его имѣютъ съ нимъ сходство, напоминаютъ его, —слишкомъ типиченъ и его обликъ и фигура—но такого, который бы передавалъ, такъ сказать, сердцевину его личности, я не знаю. И это зависитъ не отъ фотографа-художника, а скорѣе отъ подвижности натуры и особенностей духовнаго склада Л. Н—ча. Очень хорошій портретъ его помѣщенъ «Посредникомъ» на любимомъ Л. Н—чемъ его произведеніи «Письмо къ китайцу»^{*)}. Мнѣ же наиболѣе

^{*)} Изд. 1906 г. одно изъ самыхъ любимыхъ самимъ авторомъ.

симпатично то его изображеніе, которое помѣщено въ «Журналѣ для всѣхъ» *), гдѣ онъ снятъ своею супругою во весь ростъ, въ домашней обстановкѣ, стоящимъ на террасѣ въ обычной своей позѣ. Теперь я успокоился.

И это успокоеніе могу уподобить лишь тому чувству, какое я испытывалъ тогда, когда уже семьяниномъ, живя врозь съ престарѣлыми родителями, вдругъ случайно узнавалъ о приключившейся болѣзни съ которымъ—либо изъ нихъ и когда я, не будучи въ состояніи ждать болѣе точныхъ свѣдѣній объ этомъ и подтвержденія факта отъ очевидцевъ, немедленно ѣхалъ къ нимъ (жилъ не далеко). И только найдя ихъ внѣ опасности, я освобождался отъ сомнѣнія и безпокойства, успокаивался и могъ продолжать жить и работать по прежнему.

Теперь я освѣжилъ и оживилъ собственный энтузіазмъ. До этой же моей поѣздки и газетныя сообщенія—особенно въ последнее время—пугали меня тревожными сообщеніями о прихварываніяхъ Л. Н—ча, и, судя по такимъ вещамъ, какъ офортъ Бодянского **), мнѣ представлялось, что Л. Н—чъ сильно постарѣлъ, опустился, расплылся какъ-то, обросъ весь волосами, съ трудомъ ходить, быть можетъ, плохо видеть и слышать. Но ничего подобнаго я, къ радости своей, не нашелъ! Напротивъ, Л. Н., не взирая на свои почти 80 лѣтъ, выглядитъ бодрымъ, спокойнымъ человѣкомъ, подъ часъ жизнерадостнымъ. Онъ вообще, выражаясь

*) 1902 г.

**) На соч. Л. Н—ча «Одумайтесь», изд. фирмой «Об-
вложеніемъ». въ С. П. Б.

языкомъ поэта, по прежнему «твердъ, спокоенъ и угрюмъ». Онъ еще не оставляетъ своего любимаго спорта—верховой ѣзды, упражняясь въ этомъ ежедневно. Онъ занимается умственнымъ трудомъ—чтеніемъ, писаніемъ и размышленіемъ,—по 8 часовъ въ день, не считая разборки огромной поистинѣ корреспонденціи, получаемой имъ ежедневно (при этомъ рѣдкое дѣльное письмо къ нему оставляется имъ безъ отвѣта), не считая приемовъ и объясненій съ посѣтителями, которые усердно его посѣщаютъ.

Я еще въ прошломъ году собирался ко Л. Н.—чу и писалъ ему письмо, въ которомъ просилъ позволенія быть у него, въ деревнѣ, но получалъ отрицательный отвѣтъ въ письмѣ, писанномъ кѣмъ-нибудь изъ домашнихъ со словъ Л. Н.—ча: «Л. Н.—чъ очень занятъ. Всякое посѣщеніе, если нѣтъ опредѣленнаго дѣла, его разстраиываетъ, онъ устаетъ, Д. П. М.» Это было отвѣтомъ на мое письмо, (уже не первое).

А вотъ и мое письмо: «Позвольте мнѣ, глупокоуважаемый Л. Н., просить Васъ, разрѣшить мнѣ пріѣхать къ Вамъ поговорить о нѣкоторыхъ вопросахъ и посмотреть на Вашу одинокую жизнь въ деревнѣ зимою.

Простите, что приступаю къ Вамъ какъ евангельская вдова къ судѣ. Но что же дѣлать, если въ душѣ есть непреоборимая потребность духовнаго общенія съ дорогимъ, близкимъ сердцу человекомъ».

Надумавъ на этотъ разъ привести въ исполненіе свое намѣреніе во что-бы то ни стало, я дѣйствовалъ рѣшительно, шель, такъ сказать, на проломъ. Я рисковалъ при этомъ и не застать дома

Л. Н-ча, и быть не принятымъ, и пріѣхать не въ разъ—и такимъ манеромъ прокатиться напрасно до 1000 верстъ (считая туда и назадъ).

Хотя и весьма непродолжителенъ былъ разговоръ съ Л. Н., но я вынесъ убѣжденіе, что и духовный его міръ не претерпѣлъ измѣненій. Тотъ же интересъ въ немъ къ вопросамъ высшаго порядка, тѣ же излюбленныя имъ темы. Такъ и хотѣлось сказать:

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободн
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя награды за подвигъ благородн
Онъ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой вы
шій судъ.

Всѣхъ строже оцѣнить съумѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскагельный художникъ?
Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранить,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь*) горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой тре
ножникъ.

Общее мое впечатлѣніе, слившееся съ прежнимъ, таково, что я имѣлъ и имѣю дѣло съ че

*) Искусство, истинное искусство, по опредѣленію Л. Н-ча, есть могущественнѣйшее средство вліянія на людей, средство общенія людей между собою, оно есть дѣятельность человѣческая, состоящая въ томъ, что одинъ человѣкъ сознательно, извѣстными внѣшними знаками передаетъ другимъ испытанныя имъ чувства, а другіе люди заражаются этими чувствами и переживаютъ ихъ (отсюда понятны выраженія: горѣть, жечь (глаголомъ)).

О вредѣ же ложнаго искусства—см. стр. 196—204 въ соч. Л. Н. «Что такое искусство?»

ловѣкомъ высокой духовной жизни, давно начатой и настойчиво и терпѣливо ведомой до сихъ поръ, продолжающимъ учиться *) и воспитывать себя, совершенствуясь нравственно; съ человѣкомъ благополучно вышедшимъ изъ заколдованнаго круга сомнѣній, искапій, внутренней борьбы на вѣрный путь и идущимъ по нему увѣренною, смѣлою и твердою стопою, что я имѣю дѣло со свободнымъ, глубокимъ, могучимъ мыслителемъ-философомъ, которому довѣриться можно; съ мудрецомъ-христіаниномъ, беззавѣтно преданнымъ ученію евангельскому, старающемуся по нему жить и поступать, и которому по этому подражать должно.

И если кто добивается правды въ жизни, — а въ нашей жизни немного ея — кто ищетъ истину и жаждетъ ее обрѣсти, не боясь разстаться со своими ошибками, заблужденіями, суевѣріями, какъ бы они ему млы и дороги ни были, ни быть выбитымъ изъ обычной колеи и тѣмъ быть вынужденнымъ измѣнить свою жизнь, если то понадобится, ни быть сбитымъ съ панталыку, какъ говорятъ, когда ложь уличена будетъ, а истина еще не совсѣмъ уяснилась, тотъ да повѣритъ мнѣ — я тому свидѣтель, — найдетъ то, что будетъ искать, тотъ, вознаградитъ себя сторицею за всѣ свои труды и усилія, того Л. Н. выведетъ на прямую дорогу, поставитъ на твердую почву и укажетъ цѣль и направленіе въ жизни.

И пусть онъ, ищущій, не забываетъ при томъ,

*) Л. Н. полагаетъ, что учиться никогда не поздно. См его т. 4 — педагогическія статьи («Воспитаніе и Образованіе» стр. 319).

Уже въ старости Л. Н. изучилъ греческій языкъ и еврейскій.

что, быть можетъ, ему придется пойти по узенькой тропинкѣ, пролегающей надъ пропастью—не бойся онъ и тогда. Сомнѣнія въ жизни неизбѣжны для всякаго мыслящаго и чувствующаго существа, но мы должны стремиться по пути добродѣтели.

Неизбѣжно, рано или поздно встануть передъ человѣкомъ жизненные вопросы: зачѣмъ жить, что такое душа, вѣчность, жизнь, смерть, любовь, страданіе, зло, добро и подобные имъ,—и человѣкъ неизбѣжно долженъ будетъ ихъ рѣшить такъ или иначе для того, чтобы имѣть сознательную жизнь, имѣть право жить человѣческой жизнью.

Человѣкъ—сосудъ истины, духа Божія, а потому долженъ оправдать свое назначеніе—достигнуть извѣстной степени истины и осуществить ее.

Человѣкъ не родится готовымъ, т. е. съ сознаніемъ истины, а потому вся жизнь его должна быть посвящена стремленію къ ней. И для того онъ долженъ отречься отъ самого себя въ пользу истины, неумолимо строго отнестись къ своему самолюбію, бороться со своими слабостями и желаніями и пристрастіями: дорогое, дорогой цѣной и покупается...

Въ успѣшной борьбѣ съ собою его награда, въ отсутствіи борьбы—страданіе. Въ истинѣ—счащеніе, во лжи—погибель.

И потому истина для человѣка должна быть дороже всего.

Когда вѣдь идетъ рѣчь о духовномъ развитіи, то не нужно забывать, что всякій духовный процессъ совершается не безъ боли.

«Безъ страданія*) не родится духовный плодъ»**,

*) См. Гл. 8 и 34 и др. въ трактатѣ «О жизни» Л. Н-ца.

**) См. тамъ же, гл. 9.

говорить Л. Н-чъ.

Человѣкъ, говоритъ другой мыслитель *), долженъ стремиться къ своему совершенству и представлять свое блаженство только въ томъ, что сообразно съ его долгомъ... Это говоритъ: «я знаю то-то и то-то, съ меня довольно этого», или: «я возвысился до такой степени, что я лучше многихъ, съ меня и довольно этого», тотъ богохульствуетъ, — потому что идеаль человеческого совершенства есть Христосъ, а всякій обязанъ стремиться до возвышенія себя до идеала. Достигнетъ ли онъ, или нѣтъ, это не его дѣло, по крайней мѣрѣ онъ долженъ работать надъ собой каждую минуту, чтобы съ лихою возратить Господу полученный отъ него талантъ!**)

Но я ѣздилъ въ Ясную Поляну не для того, чтобы искать руководительства, совѣтовъ, указаний, словомъ, чтобы рѣшать основные вопросы. Это не могло входить въ мой планъ, и вотъ почему.

«Ни какого моего ученія, говоритъ Л. Н., не было и нѣтъ. Есть одно вѣчное, всеобщее, всемирное***) ученіе истины, для меня, для насъ, особенно ясно выраженное въ евангеліяхъ. Ученіе это призываетъ человѣка къ признанію своей сыновности Богу, и потому своей свободы, или рабства (какъ хотите назовите)—свободы отъ вліянія міра и рабства Богу, волѣ Его; и какъ только человѣкъ понялъ это, онъ свободно вступаетъ въ непосредственное отношеніе съ Богомъ, и спрашивать

*) Т. I стр. 295—296. Бѣлинскій, В.

**) А. П. Н-чъ. подъ талантомъ разумѣть не какое либо увеличеніе умственное или образованіе, а увеличеніе только нашей любви къ Богу и Его твари.

***) «Кругъ чтенія» — доказат. этой мысли.

предившими меня, на эти вопросы и были давы Л. Н-чемъ обстоятельные отвѣты. Если бы этого не было, то я бы, конечно, поинтересовался, какъ думаетъ объ нихъ Л. Н.

Вотъ цѣкоторые изъ этихъ вопросовъ*)

- 1) Что представляетъ изъ себя университетъ?**)
- 2) Можетъ ли человекъ со средними способностями заниматься безъ руководства профессора?
- 3) Гдѣ можетъ учиться молодежь помимо университета?
- 4) Могутъ ли взрослые люди, учащіяся въ университетѣ, хладнокровно взирать на все, происходящее въ странѣ?
- 5) Что должны дѣлать студенты въ данный моментъ?
- 6) Какъ практически осуществить изоляцію мыслей отъ политики?
- 7) Какой правильный образъ дѣйствій въ случаѣ роспуска Г. Думы?
- 8) Кромѣ нравственнаго ученія нужно-ли преподавать крестьянамъ и аграрномпческія науки?
- 9) На что нужно обратить *все* свое вниманіе?

Личныхъ интимныхъ вопросовъ ко Л. Н-чу на этотъ разъ я также не имѣлъ — или хотя и имѣлъ, а у кого ихъ нѣтъ каждый день — да разъ

*) Отвѣты Л. Н-ча на нихъ интересующійся найдетъ въ фельетонѣ А. Ч-а, — «Впржев. Вѣд.» 1907 г. № 98.

**) Объ университетѣ высказано мнѣніе Л. Н-чемъ давно. см. т. 4, стр. 124 и дальше.

не удалось ихъ поставить, я не жалѣю, — но тѣ вопросы, по поводу которыхъ онъ самъ такъ кста-ти и естественно заговорилъ при личномъ моемъ съ нимъ свиданіи, давно, а въ послѣднее время особенно, въ высокой степени интересовали меня, и потому то съ такимъ вниманіемъ я выслушалъ Л. Н-ча, боясь пропустить хотя бы единое слово, и такъ близки были моему сердцу эти его рѣчи.

Постараюсь же припомнить себѣ все то, что когда то было говорено и потомъ писано Л. Н-чемъ вообще по вопросамъ изъ области этики и прежде всего о воспитаніи и самовоспитаніи, *) что для меня и дополнить его со мною краткую бесѣду.

«Воспитаніе **») представляется сложнымъ и труднымъ дѣломъ только до тѣхъ поръ, пока мы хотимъ, не воспитывая себя, воспитывать своихъ дѣтей или кого бы то ни было. Если же поймешь, что воспитывать другихъ мы можемъ только черезъ себя, то упраздняется вопросъ о воспитаніи, и остается одинъ вопросъ жизни: какъ надо самому жить? Потому что нѣтъ ни одного дѣйствія воспитанія дѣтей, которое не включалось бы въ воспитаніе себя. Какъ одѣвать, какъ кормить, какъ класть спать, какъ учить дѣтей? Точно такъ же, какъ себя. Если отецъ, мать одѣваются, ѣдятъ, спятъ умѣренно, и работаютъ, и учатся, то дѣти будутъ то же дѣлать.

*) Весьма большую услугу въ этомъ случаѣ можетъ намъ оказать Л. Пейо своею книгою «О воспитаніи воли».

**) Объ образованіи, о наукахъ настоящихъ и о вредныхъ — см. «Изъ письма къ П. И. В.» въ 1 т. «Кр. чт.» стр. 353.

Л. Н. — основатель «свободной школы» (см. 4 т., стр. 151).

Два правила—говорить Л. Н-чь—я бы далъ для воспитанія: самому не только жить хорошо, но работать надъ собою, постоянно совершенствуясь, и ничего не скрывать изъ своей жизни отъ дѣтей. Лучше, чтобы дѣти знали про слабыя стороны своихъ родителей, чѣмъ то, чтобы они чувствовали, что есть у ихъ родителей скрытая отъ нихъ жизнь и есть показная. Всѣ трудности воспитанія вытекають отъ того, что родители не только не исправляются отъ своихъ недостатковъ, но даже не признавая ихъ недостатками, оправдывая ихъ въ себѣ, хотять не видѣть этихъ недостатковъ въ дѣтияхъ. Въ этомъ вся трудность и вся борьба съ дѣтьми. Дѣти нравственно гораздо пронципальнѣе взрослыхъ и они, часто даже не сознавая этого, видять не только недостатки родителей, но и худшій изъ всѣхъ недостатковъ—лицемѣріе родителей, и теряють къ нимъ уваженіе и интересъ ко всѣмъ ихъ поученіямъ.

Лицемѣріе родителей при воспитаніи дѣтей есть самое обычное явленіе, а дѣти чутки, и замѣчаютъ его сейчасъ же и отвращаются, и развращаются. Правда есть первое, главное условіе дѣйствительности духовнаго вліянія, и потому она есть первое условіе воспитанія. А чтобы не страшно было показать дѣтямъ всю правду своей жизни, надо сдѣлать свою жизнь хорошей, или, по крайней мѣрѣ, менѣе дурной. И потому воспитаніе другихъ включается въ воспитаніе себя, и другого ничего не нужно.

Воспитаніе есть воздѣйствіе на сердце тѣхъ, кого мы воспитываемъ. Воздѣйствовать на сердце можно только гипнотизаціей, которой такъ подле-

жать дѣти, — гипнотизаціей, заразительностью. Ребенокъ увидить, что я раздражаюсь и оскорбляю людей, что я заставляю другихъ дѣлать то, что самъ могу сдѣлать, что я потворствую жадности, похотямъ, что я избѣгаю труда для другихъ и нищу только удовольствія, что я горжусь и тщеславлюсь своимъ положеніемъ, говорю про другихъ злое, говорю за глаза не то, что говорю въ глаза, притворяюсь, что вѣрю тому, во что не вѣрю, и тысячи, тысячи такихъ поступковъ или поступковъ обратныхъ: кротости, смиренія, трудолюбія, самоотверженія, воздержанія, справедливости, — и заражается (ребенокъ) тѣмъ или другимъ во сто разъ сильнѣе, чѣмъ самыми крайнѣйшими и разумными поученіями. И потомъ, эе или 0,999 воспитанія сводится въ примѣру, къ исправленію и совершенствованію своей жизни.

Такъ что съ чего вы начали внутри себя, когда мечтали объ идеалѣ, т. е. о добрѣ, достиженіе котораго возможно только въ себѣ, къ тому самому приведены вы теперь при воспитаніи дѣтей извнѣ. То, чего вы хотѣли для себя, хорошенько не зная зачѣмъ, то теперь вамъ уже необходимо нужно для того, чтобы не развратить дѣтей...

Отъ воспитанія обыкновенно требуютъ и слишкомъ много и слишкомъ мало. Требовать того, чтобы воспитываемые выучились тому-то и тому-то, образовались, какъ мы разумѣемъ образование, — это невозможно; также невозможно и то, чтобы они сдѣлались нравственными, какъ мы разумѣемъ это слово. Но совершенно возможно то, чтобы не быть самому участникомъ въ развращеніи дѣтей (и въ этомъ не можетъ помѣшать ни женѣ

мужъ, ни мужу жена), и всей своей жизнью, по мѣрѣ силъ своихъ. воздѣйствовать на нихъ, заражая ихъ примѣромъ добра.

Я думаю, что не только трудно, но невозможно хорошо воспитать дѣтей, если самъ дурень, и что воспитаніе дѣтей есть только само-совершенствованіе, которому ничто не помогаетъ столько, какъ дѣти. Какъ смѣшны требованія людей, курящихъ, пьющихъ, объѣдающихся, не работающихъ, превращающихъ ночь въ день, о томъ, чтобы докторъ сдѣлалъ ихъ здоровыми, не смотря на ихъ нездоровый образъ жизни, такъ же смѣшны требованія людей научить ихъ, какъ, продолжая вести жизнь не нравственную, можно-бы было дать нравственное воспитаніе дѣтямъ.

Все воспитаніе состоитъ все въ большемъ и большемъ сознаніи своихъ ошибокъ и исправленіи себя отъ нихъ. А это можетъ сдѣлать всякій и во всѣхъ возможныхъ условіяхъ жизни. И это-же есть и самое могущественное орудіе, данное человеку для воздѣйствія на другихъ людей, въ томъ числѣ и на своихъ дѣтей, которые всегда невольно ближе всего къ намъ: «Fais ce que dois, advienne que pourra» *) болѣе всего относится къ воспитанію (**).

И подобнымъ-же образомъ рѣшаются Л. Н-чемъ всѣ жизненные вопросы — на нравственной почвѣ. Онъ придаетъ чрезвычайно важное значеніе духовному началу въ человекѣ, считая это духовное начало въ немъ и средствомъ исцѣленія

*) Дѣлай что должно, — и пусть будетъ, что будетъ.

**) См. «Журналъ для всѣхъ» 1902 г. стр. 1459.

отъ всѣхъ золъ жизни для отдѣльнаго человѣка и залогомъ совершенствованія человѣчества вообще.

Это обстоятельство побуждаетъ меня, хотя въ общихъ чертахъ, охарактеризировать міросозерцаніе Л. Н.-ча, — набросать контуръ его духовнаго облика, чтобы дальнѣйшее было ясно.

Изъ двухъ основныхъ воззрѣній на міръ — внѣшняго и внутренняго, матеріальнаго и духовнаго, — по первому изъ которыхъ признается истинно существующимъ все внѣшнее, видимое, осязаемое, конечное, и кромѣ этого ничего не признается, а по второму, наоборотъ, признается истинно существующимъ лишь невидимое, духовное, а видимое, внѣшнее, конечное признается призрачнымъ. Л. Н. является сторонникомъ безусловно и рѣшительно втораго взгляда, т. е. духовнаго, или спиртуалистическаго.

Выражаясь точнѣе и опредѣленнѣе, — для Л. Н. міръ Божій со всѣмъ своимъ безконечнымъ разнообразіемъ явленій есть проявленіе духа Божія въ безконечныхъ формахъ, для матеріальнаго же взгляда — все въ міръ — случайности, не имѣющія общаго источника.

Есть, иначе говоря, внутренній и внѣшній взглядъ на вещи. Если для перваго каждое отдѣльно взятое явленіе есть частное выраженіе единаго общаго начала, все производнаго и все собою проникающаго; понять это явленіе — значитъ найти его соотношеніе съ общимъ началомъ; знаніе для него — это храмъ, въ который входитъ смертный со страхомъ и трепетомъ, съ ногами омовенными, съ главою обнаженною; самая жизнь для него — великое и святое таинство, постиженіе котораго дается че-

резь откровение посредствомъ благодати и любви, то для второго—все въ жизни ясно, опредѣленно, какъ двадцать два четыре—и изучать глубоко нечего и думать долго ни надъ чѣмъ, не стоитъ.*)

Наглядно Л. Н. чѣмъ изображается отношеніе матеріи къ духу такъ:

Необходимо какъ можно чаще напоминать себѣ, что наша истинная жизнь—не та, наружная, матеріальная, которая происходитъ здѣсь, на землѣ, на нашихъ глазахъ, а внутренняя жизнь нашего духа, для которой видимая жизнь—только лѣса, необходимые для постройки зданія нашего духовнаго роста. Лѣса—тѣ сами по себѣ имѣютъ лишь временное значеніе, по исполненіи котораго они ни къ чему больше не нужны и становятся даже помѣхою.

Видя передъ собою огромные, высокоозоруженные и сложно построенные лѣса, между тѣмъ какъ самое зданіе едва-едва возвышается надъ фундаментомъ, человекъ склоненъ ошибаться и придавать большее значеніе лѣсамъ, чѣмъ тому сооружаемому зданію, ради котораго только и воздвигнуты эти временные лѣса. Необходимо напоминать себѣ и другъ другу, что единственный смыслъ и значеніе лѣсовъ только въ томъ, чтобы дать возможность воздвигнуть самое зданіе **).

И это-то духовное начало, по взгляду Л. Н. руководить человѣческой дѣятельностью вообще и объясняетъ разнообразіе ея.

*) Больше обстоятельную характеристику обихъ взглядовъ и вытекающихъ изъ нихъ слѣдствій см. у Вильямскаго: т. I, стр. 416, у Ж. Нейо—стр. 62.

**) См. «Духъ и матерія», сборн. составл. Ф. Страховымъ, стр. 204.

Только кажется, что человечество занято торговлей, договорами, войнами, науками, искусствами; одно дѣло только для него важно и одно только дѣло оно дѣлаетъ—оно уясняетъ себѣ тѣ нравственные законы, которыми оно живетъ. Нравственные законы уже есть*), человечество только уясняетъ ихъ себѣ, и уясненіе это кажется не важнымъ и не замѣтнымъ для того, кому ее нуженъ нравственный законъ, кто не хочетъ имъ жить. Но это уясненіе нравственного закона есть не только главное, но *единственное* дѣло всего человечества.

Это уясненіе незамѣтно точно такъ же, какъ незамѣтно различіе тупого ножа отъ остраго. Ножъ—все ножъ, и для того, кому ничего не нужно рѣзать этимъ ножомъ, не замѣтно различіе тупого отъ остраго. Для того же, кто понялъ, что вся жизнь его зависитъ отъ болѣе или менѣе тупого или остраго ножа, для того важно всякое уостреніе его и тотъ знаетъ, что конца нѣтъ этому уостренію и что ножъ только тогда ножъ, когда онъ рѣжетъ то, что нужно рѣзать (103-104 стр. гл. XI, изъ статьи «Такъ чтожь намъ дѣлать?»)

И вотъ, къ признанію въ себѣ этого начала**), къ работѣ надъ нимъ для его развитія, къ перенесенію своего «я» изъ области животной въ область духовную, къ жизни духовной, истинной,

*) Какъ до Колумба уже была Америка, онъ только открылъ ее, такъ и до насъ, теперь живущихъ, былъ нравственный законъ, только теперь остается намъ уяснить его, углубиться въ него. Для насъ христіанить—это тѣ законъ—въ евангеліи, изнутри—въ душѣ человѣка.

**) «О сознаніи духовнаго начала» см. соч. П. Н-ча, издан. «Посредникомъ» подъ этимъ названіемъ.

человѣческой и призываетъ насъ величайшій юсра-
листь.

Въ чемъ же именно состоитъ это духовное
начало и какова его роль въ жизни людей?

Главная работа, двигающая всею жизнью люд-
ской происходитъ не въ движеніи рукъ, ногъ, спинъ
человѣческихъ, а въ *сознаніи*. Для того, чтобы
человѣкъ совершилъ что нибудь руками и ногами
нужно, чтобы прежде совершилось измѣненіе въ
его сознаніи. И это-то измѣненіе и опредѣляетъ всѣ
послѣдующія дѣйствія человѣка *) Измѣненія-же
эти всегда бываютъ крошечныя, почти незамѣтны

Брюлловъ поправилъ ученику этюдъ. Уче-
никъ взглянувъ на измѣнившійся этюдъ, сказалъ:
«Вотъ чуть-чуть тронули этюдъ, а совсѣмъ сталъ
другой».

Брюлловъ отвѣтилъ: «Искусство только тамъ
и начинается, гдѣ начинается *чуть-чуть*».

Изреченіе это поразительно вѣрно и не по
отношенію къ одному искусству, но и ко всей
жизни. Можно сказать, что истинная жизнь начи-
нается тамъ, гдѣ начинается *чуть-чуть*, тамъ, гдѣ
происходятъ кажущіяся намъ чуть-чуточными без-
конечно малыя измѣненія. Истинная жизнь проис-
ходитъ не тамъ, гдѣ совершаются большія внѣш-
нія измѣненія, гдѣ передвигаются, сталкиваются,
дерутся, убиваютъ другъ друга люди, а она про-
исходитъ только тамъ, гдѣ совершаются—чуть-
чуточныя измѣненія **).

*) Это понять для меня значило найти ключъ къ пони-
манію этики Л. Н-ча вообще.

**) За измѣненіемъ въ мысляхъ слѣдуетъ измѣненіе въ
чувствахъ затѣмъ, въ дѣйствіяхъ и, наконецъ, въ жизни—
такъ же неизбежно, какъ слѣдуетъ и воротъ корабля за по-
воротомъ руля, (Того-же мнѣнія Спенсеръ и Кантъ).

Отъ того, что сдѣлается, когда человѣкъ рѣшился и началъ дѣйствовать, можетъ измѣниться много матеріальнаго, могутъ погибнуть дома, богатства, тѣла людей, но ничего не можетъ сдѣлаться больше того, что залегло въ сознаніе человѣка. Предѣлы того, что можетъ произойти, даны сознаніемъ, но отъ чуть-чуточныхъ измѣненій, которыя совершаются въ области сознанія, могутъ произойти самыя невообразимыя по своей значительности послѣдствія, для которыхъ нѣтъ предѣловъ...

А потому надо быть особенно внимательнымъ къ тому состоянію, въ которомъ проявляются эти чуть-чуточныя измѣненія, какъ надо быть особенно внимательнымъ къ состоянію вѣсовъ, посредствомъ которыхъ мы взвѣшиваемъ предметы. Надо стараться поставить себя и другихъ въ такія условія, при которыхъ не нарушалась-бы ясность и тонкость (остріе) мысли, необходимыя для правильной работы сознанія, а не поступать обратно, стараясь запутать и затруднить эту работу сознанія (потребленіемъ возбуждающихъ веществъ)*).

Человѣкъ — это есть и духовное и животное существо. Человѣка можно двигать, влияя на его

*) Хотя никогда человѣкъ, пока онъ въ тѣлѣ, не освободится вполне отъ состоянія возбужденія и опьяненія, производимыхъ пищей, нитями, движеніями, обстановкой, степень этихъ состояній опьяненія можетъ быть уменьшена до самаго малого. И чѣмъ больше освободится человѣкъ, пробудившійся къ сознанію, отъ состояній опьяненія, чѣмъ яснѣе будетъ его разумъ, тѣмъ легче ему будетъ бороться со всѣми другими грѣхами, тѣмъ больше получитъ человѣкъ истиннаго блага, и тѣмъ больше приложится ему блага мірскаго и тѣмъ больше будетъ онъ содѣйствовать благу другихъ людей.—говоритъ Л. Н-чъ,

духовное существо, и можно двигать, влияя на его животное существо. Такъ-же, какъ часы можно двигать за стрѣлки и за главное колесо. И какъ въ часахъ удобнѣе руководить движеніемъ черезъ внутренній механизмъ, такъ и человѣкомъ — собою или другимъ — удобнѣе руководить черезъ сознание. А для этого, говоритъ Л. Н-н, съ одной стороны нужно избѣгать отуманивающихъ сознание условій внѣшнихъ, дѣйствіе которыхъ въ ихъ совокупности можетъ быть названо возбужденіемъ, ослѣпленіемъ, съ другой чужно привыкать размышлять *), напрягать вниманіе, умѣть дѣлать усилія мысли, потому что процессъ сосредоточеннаго размышленія тогда только достигаетъ цѣли, когда у думающаго не бываетъ недостатка въ этихъ средствахъ. Какъ въ физическомъ трудѣ бываетъ періодъ, когда трудъ вается тяжелымъ, мучительнымъ, что бываетъ въ началѣ работы и нужно бываетъ особое усиліе, чтобы побороть препятствіе, такъ и даже болѣе мучительнымъ бываетъ подобный моментъ въ умственномъ трудѣ, когда размышленіе представляетъ такую трудность, что требуется особое умственное усиліе, напряженіе вниманія, послѣ котораго оно только и начинаетъ быть плодотворнымъ, приводя размышляющаго къ опредѣленному рѣшенію, а потомъ и къ поступку вытекающему (естественно) изъ этого рѣшенія. Эта работа сознания, имѣющая цѣлью уясненіе нравственныхъ истинъ, нравственнаго закона, для ду-

*) Большую услугу въ этомъ случаѣ можетъ оказать Э. Пейо своей книгой, — «Воспитаніе воли»: 54 стр. и далье и равнѣ — гл. 2-я.

Усилія самостоятельной мысли важнѣе всякихъ лекцій въ мірѣ,

ховной жизни имѣть въ жизни человека чрезвычайную важность, рѣшающее значеніе для его судьбы, такъ какъ, по мнѣнію Л. Н-ча, все движеніе жизни человѣческой состоитъ въ рѣшеніи нравственныхъ вопросовъ *). И дѣйствительно, какъ говоритъ Лессингъ, люди имѣютъ свойство переставать думать, когда думанье начинаетъ представлять трудности, и именно тогда, прибавляетъ Л. Н-чъ, когда думанье начинаетъ быть плодотворнымъ. Человекъ чувствуетъ, что рѣшеніе стоящихъ передъ нимъ вопросовъ требуетъ напряженнаго, часто мучительнаго труда, и ему хочется отвлечься отъ этого. Если-бы у него не было внутренняго средства одурманенія, онъ не могъ-бы изгнать изъ своего сознанія—стоящихъ передъ нимъ вопросовъ, и волей неволей былъ-бы приведенъ къ необходимости ихъ рѣшенія. Но вотъ человекъ узнаетъ средство отгонять эти вопросы всегда, когда они представляются, и употребляетъ его. Такъ только предстоящіе къ рѣшенію вопросы (а вся жизнь состоитъ въ этомъ), начинаютъ мучить его, человекъ прибѣгаетъ къ этимъ средствамъ (одурманенія) и спасается стѣ безповѣдства). Сознаніе перестаетъ требовать разрѣшенія ихъ, и неразрѣшенные вопросы остаются неразрѣшенными до слѣдующаго просвѣтленія. Но при слѣдующемъ просвѣтленіи повторяется тоже, и человекъ мѣсяцами, годами, иногда всю жизнь продолжаетъ стоять передъ тѣми-же нравственными вопросами, ни на шагъ не подвигаясь къ разрѣшенію ихъ. И совершается нѣчто подобное тому,

*) См. стр. 27 соч. Л. Н-ча «Для чего люди одурманиваются».

что дѣлалъ бы человѣкъ, которому черезъ взмученную воду надо-бы увидеть дно, для того, чтобы достать драгоценную жемчужину, и который-бы, не желая войти въ воду, сознательно взбалтывалъ бы ее, какъ скоро она начинала-бы отстаиваться и быть прозрачной. Всю жизнь часто стоитъ человѣкъ одурманивающейся неподвижно на томъ-же разѣ усвоенномъ, неясномъ, протъворѣчивомъ міросозерцаніи, упираясь при всякомъ наступающемъ періодѣ просвѣтлѣнія все въ ту же стѣну, въ которую онъ упирался 10—20 лѣтъ тому назадъ и которую нечѣмъ пробить, потому, что онъ сознательно приглушаетъ то остріе мысли, которое одно могло-бы пробить ее.

И, если это такъ, то какъ должны быть ужасны послѣдствія этого! Въ самомъ дѣлѣ—подумать, какова бы была та постройка, которую строили бы люди не съ прямымъ правиломъ, по которому они выравнивали-бы стѣны, не съ прямоугольнымъ угольникомъ, которымъ бы они опредѣляли углы, а съ мягкимъ правиломъ, которое сгибалось бы по всемъ неровностямъ стѣны, и съ угольникомъ, складывающимся и приходящимся къ каждому—и острому и тупому—углу.

А вѣдь благодаря одурманиванію себя, это самое дѣлается въ жизни. Жизнь не приходится по совѣсти, — совѣсть сгибается по жизни. И наступаетъ нравственная смерть, т. е. такое состояніе, въ которомъ человѣкъ перестаетъ сознавать свое человеческое достоинство и вытекающія изъ него обязанности.

Это-то, ничего не имѣющее, повидимому, особеннаго, но въ сущности отчаянное положеніе, ког-

да человекъ смотритъ глазами—и не видитъ, слы-
шаетъ ушами—и не слышитъ.

Вотъ на содержаніи то нравственныхъ идей,
высказанныхъ Л. Н-чемъ въ послѣднее время, и
основывается тотъ животрепещущій интересъ, ко-
торый онъ возбудилъ въ современномъ обществѣ,
то безконечное вниманіе, которое онъ привлекъ и
сосредоточилъ на себѣ.

Меня привлекаетъ, какъ и другихъ, Л. Н-чъ,
не какъ художникъ, поэтический гений, котораго
признанъ во всемъ и которому, какъ художнику, от-
ведено критикою мѣсто въ первыхъ рядахъ все-
мірной литературы, особенно благодаря его колос-
сальному произведенію «Войнѣ и миру»*), гдѣ та-
лантъ его развернулся во всю ширь и мощь, гдѣ
онъ мѣстами поднимается до высочайшихъ вершинъ
мысли и чувства, а во всемъ вообще творчествомъ
своимъ способенъ расширить духъ чувствующаго
и размышляющаго читателя до созерцанія беско-
нечнаго**), дать полное удовлетвореніе его чув-
ству поэтическому и стремленію предощущенія та-
инства жизни,—такъ не какъ поэтъ овладѣлъ мною
вполнѣ Л. Н-чъ, какъ и многими другими, повто-
ряю, а своимъ этическимъ***) ученіемъ. Потому что,

*) Особенно поразили меня и имѣли для меня знамени-
тельное значеніе.—значеніе откровенія—слѣдующія безсмерт-
ныя сцены и типы этой эпохи: 1) Встрѣча П. Безухова съ
масономъ Баздѣевымъ (т. 2, стр. 90); 2) сонъ П. Безухова въ
Можайскѣ, который я такъ долго не могъ понять (т. 3, стр.
405); 3) Безконечно симпатичный солдатъ Каратаевъ (т. 4,
стр. 60). и 4) Смерть князя Андрея Болконскаго (т. 4, стр. 83).

**) Основа, фундаментъ высшей жизни въ человекѣ есть
чувство безконечнаго (См. В. Бѣлинск. т. 2, стр. 344).

***) Этика—ученіе о нравственности. Нельзя смѣши-
вать нравственность съ моралью. Разница огромная. Первая

хотя и весьма многое далъ Л. Н-чъ, какъ художникъ, но, какъ моралистъ, онъ даетъ все, что можетъ дать человѣкъ человѣку.

Л. Н-чъ есть несомнѣнно самая крупная величина въ духовномъ мірѣ въ наше время не только у насъ, но вообще въ Европѣ. Такіе люди, такіе мужи являются лишь въ критическіе моменты исторіи, когда нужно, необходимо бываетъ поученіе, предостереженіе, спасеніе *). А все это въ наше время дѣйствительно нужно потому, что жизнь наша дошла до послѣдней степени матеріальности, до предѣла, совершенно оскудѣла въ духовномъ отношеніи, внутренняя жизнь людей свелась на нѣтъ, голосъ сердца не признается болѣе.

И вотъ въ послѣднее время раздались протестующіе голоса отдѣльныхъ личностей, требующіе большей духовности, обновленія жизни, угрожающіе въ противномъ случаѣ гибелью**) тѣмъ, кто не склоненъ прислушиваться къ велѣнію пребудующихся сознанія и совѣсти, которыя все ясаѣ и настойчивѣе утверждаютъ, что дальше жить такъ, какъ до сихъ поръ мы жили, не только стыдно, но и преступно***).

есть законъ разума, пребывающій въ таинственной глубинѣ духа, а моральность—понятіе условное, измѣняющееся. Отношеніе этихъ понятій такое-же, какъ между разумомъ и разсудкомъ, между искусствомъ и ремесломъ. Нравственность имѣетъ своимъ источникомъ религію, т. е. вытекаетъ изъ устанавлиаемаго человѣкомъ отношенія къ Богу и имѣетъ для смертнаго значеніе послѣдняго руководства въ жизни, какъ компасъ для морехода.

*) См. Предисловіе къ біографіи Л. Н. Тол-го, состав-Левенфельдомъ, подъ заглавіемъ: «Гр. Л. Толстой, его жизнь, произведенія и міросозерцаніе».

**) См. «Думы и впечатлѣнія» Г. Петрова.—стр. 19, въ статьѣ «Мишура».

***) Тамъ-же стр. 35.

Вотъ поэтому-то, думается, необходимо при-
помнить главныя основанія этического ученія Л.
Н-ча, особенно дорогого мнѣ потому, что оно являет-
ся плодомъ его, искушеннаго, скитныхъ исканій и
страданій, что его положеніе схоже съ моимъ, что и
мнѣ угрожала такая же гибель какъ и ему, что и
мою утлуду ладью начинала уже захлестывать ко-
варная волна житейскаго моря...

... Увлекаемъ безславною битеюю,
Сколько разъ я надъ бездною стоялъ.
Подымался твоею молитвою,
Снова падалъ — и вовсе ушалъ!

.

Центральнымъ пунктомъ этого ученія являет-
ся вопросъ, что такое человѣкъ и въ чемъ его
благо?*)

Л. Н-чъ подобно древнимъ учителямъ мудрос-
ти, какъ Будда, Сократъ, Диогенъ, Эпиктетъ и дру-
гіе, развиваетъ не какой нибудь отдѣлъ науки, а
учитъ, какъ надо жить человѣку**) вообще, что-
бы быть счастливымъ или получить благо, испол-
нивъ свое назначеніе. Онъ, Л. Н-чъ, высказыва-
етъ тѣ же истины, что и первые изъ названныхъ
учителей человѣчества, но говоритъ современнымъ
намъ языкомъ, и потому болѣе понятнымъ спосо-
бомъ, а, во вторыхъ, онъ сынъ своего вѣка, и по-

*) Основной вопросъ. Безъ знанія того, въ чемъ назна-
ченіе и благо всѣхъ людей, не можетъ быть никакой науки
никакого искусства, слѣдовательно и никакой плодотворной
умственной дѣятельности, — по мнѣнію Л. Н-ча.

**) Излагаю по бар. Дистерло: «Гр. Л. Н. Толстой, какъ
художникъ и моралистъ».

тому ему и понятнѣе и ближе къ сердцу, чѣмъ кому либо, боли и болѣзни нашего времени.

Начну съ того, что побудило Л. Н-ча искать нравственнаго закона.

Побужденіемъ къ тому послужила для него неудовлетворенность имъ своею личною жизнью.

Живя жизнью того вѣтеллигентнаго общества, къ которому онъ принадлежить по рожденію и воспитанію, Л. Н. на 50-мъ году жизни, вдругъ началъ чувствовать неотступную тревогу глубокихъ сомнѣній, чуть было не доведшихъ его до самоубійства...

Это произошло съ нимъ оттого, какъ объясняетъ Л. Н-чъ, что онъ созналъ и почувствовалъ утрату смысла въ своей жизни, какъ человѣкъ.

Тогда онъ вѣлей—вселей мучительно сталъ доискиваться этого смысла—и въ наукѣ, и въ искусствѣ и въ философіи, но вопросъ оставался неразрѣшеннымъ. Когда же жизнь культурнаго общества, этого сравнительно узкаго круга жизни, не дала ему удовлетворенія въ этомъ смыслѣ, тогда Л. Н-чъ обратился къ народной массѣ, къ человѣчеству, въ его совокупности, въ прошедшемъ и настоящемъ. Л. Н-чъ началъ сближаться съ народомъ простымъ и среди него и у него добиваться разрѣшенія мучившаго, не дававшего ему покоя, неотвязчиваго вопроса: гдѣ, въ чемъ же смыслъ человѣческой жизни?*) Или его нѣтъ вовсе? Не можетъ быть, говорилъ Л. Н. И тутъ-то онъ увидалъ, что простой человѣкъ живетъ вѣрно**), ре-

*) Такой, который бы не уничтожался предстоящей смертью.

**) Его пословицы: «Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ». «Богъ тер. дѣл и намъ великъ». «Безъ Бога ни до порога и много другихъ составляютъ кодексъ его мудрости.

лигією. У него, у этого народа, все и на все — воля Божія; этимъ простой человѣкъ все въ жизни объясняетъ себѣ, это сознаніе помогаетъ ему нести крестъ своей жизни и благодаря этой вѣрѣ удовлетворительно для себя разрѣшать всякіе вопросы жизни. Отсюда Л. Н. сдѣлалъ такой выводъ, что, значить, вѣра даетъ смыслъ жизни, *вѣра есть сила жизни*. Если человѣкъ живетъ, то, значить, онъ живетъ какою—нибудь вѣрою, вѣрою во чтонибудь. Если человѣкъ живетъ материалистомъ, то значить вѣрить въ конечное, если же живетъ духовною жизнью, то, значить, вѣрить въ духовное начало жизни. А безъ той или другой вѣры жизнь не мыслима. Примѣръ—самоубійцы. Жить безъ истинной вѣры—есть самое опасное положеніе въ мірѣ, какое только можно себѣ представить. И у каждаго есть вѣра какая-нибудь, подобно тому какъ у всякаго есть печень, хотя человѣкъ можетъ и не сознавать и даже не знать этого.*) Но знаніе вѣры не есть знаніе разума, а воспитывается самою жизнью,—нельзя, такъ сказать, выучить вѣру. Но такъ какъ существуютъ и не вѣрующіе (до времени) люди, то, очевидно, для того, чтобы вліяніе жизни приводило къ вѣрѣ, жизнь должна имѣть извѣстныя качества.

«Поживи по вѣрѣ и ты повѣришь», сказалъ, наконецъ, себѣ Л. Н.-чъ.

И съ этого онъ началъ свое дѣло возрожденія. Онъ принялся анализировать свою собственную жизнь.

Она, эта жизнь, была, какъ оказалось, ни

*) См. соч. Л. Н.-ча, — «Религія и нравственность».

хуже, ни лучше жизни большинства людей культурного общества,*) но въ общемъ была неправильна, искусственна, неестественна, если сравнить ее съ жизнью простаго трудящагося люда. И главнымъ недостаткомъ своей жизни долженъ былъ признать Л. Н. 1) отсутствіе физическаго труда, 2) отсутствіе разумнаго, послѣдовательнаго удовлетворенія своихъ потребностей, 3) отсутствіе простоты, правды жизни, и 4) удаленіе отъ братскаго общенія со всеми людьми.

Гдѣ же правда въ моей жизни, говорилъ Л. Н.-чъ, если я вѣдь пользуюсь въ жизни — и пищей, и питьемъ, и одеждой, и жильемъ и всякими услугами работающаго люда, а въ замѣнь этого ничего не даю ему? А такъ вѣдь и все живутъ. Вотъ изъ такого положенія и вытекъ социальный вопросъ, или рабочей во всемъ его серьезномъ значеніи. Вышло то, что одни люди страдаютъ отъ непосильнаго труда, такъ какъ работаютъ за себя и за другихъ, а эти другие, освободившіе себя отъ всякаго труда, мучаются отъ бездѣлья, отъ пустоты своей жизни, отъ утраты вслѣдствіе этого смысла въ своей жизни и вопіющаго противорѣчія жизни и совѣсти: отсюда все бѣды до самоубійства**) включительно.

Нельзя, говорилъ Л. Н.-чъ, такое несостепенное положеніе вещей оправдывать (какъ то дѣлаетъ наука) существующимъ якобы «раздѣленіемъ» труда, — это не раздѣленіе труда, когда я все

*) Не хуже жизни «Ивана Ильича.» (См. «Смерть Ивана Ильича», ром. Т-го).

**) Въ этомъ явленіи мы имѣемъ несомнѣнное, разительное доказательство того, что ложная жизнь страшнѣе смерти! (Гр. «О жизни» стр. 97).

получаю, ничего не дѣлая, а самъ непосредственно съ себя ничего не даю взаменъ получаемого мною. Это не раздѣленіе труда, а захватъ плодовъ труда. Не раздѣленіе труда (на мускульный и мозговой), не захватъ плодовъ труда, а должно быть чередованіе труда. И только этимъ, заключая Л. Н., этимъ, а не чѣмъ другимъ можно быть рѣшенъ страшный социальный вопросъ, угрожающій въ ближайшемъ будущемъ величайшими бѣдствіями человѣчеству (войнами, революціями и прочими наслѣдствіями).

И какъ вообще бываетъ въ жизни—мудреные вопросы рѣшаются просто тогда, если человѣкъ ихъ рѣшаетъ для себя лично—серьезно и искренно, такъ было и со Л. Н.-чемъ. Ларчикъ открылся, говорятъ онъ, просто: стоило его только открыть. Все дѣло, заключаетъ Л. Н., въ трудѣ, въ трудѣ физическомъ.

И Л. Н.-чъ рѣшается смѣло войти въ трудовую жизнь крестьянства *) сдѣяться въ простомъ нлатѣ, встать вообще въ условія его быта—тяжелого труда, умѣреннаго питанія, чтобы испытать его положеніе, послужить ему, поучиться у него**).

Онъ, Л. Н.-чъ, раздѣляетъ свой день на 4 отдѣла по роду тѣхъ благъ, которыми пользуется всякій человѣкъ (1-е, произведеніями тяжелого труда,—хлѣбомъ, скотиной, постройками, ко-

*) Онъ начинаетъ учиться у мужика (см. «Л. Н. Толстой» въ «Журналѣ для всѣхъ» на 1902 г., Ноябрь—статья В. Мирскаго).

***) См. соч. Л. Н.-ча: «Въ чемъ счастье?» и «Трудолюбие, или торжество земледѣльца». (Ч. 13).

Какъ приступить къ физич. труду?

Нужно начать съ ухода за собою. (См. «Физи. трудъ и умственн. дѣят.». 1889 г.—Л. Н.-ча ст.).

лододцами, прудами и т. п., во 2-хъ, дѣятельностью ремесла—одеждой, обувью, утварью въ 3-хъ, произведеніями умственной дѣятельности и въ 4-хъ, установленнымъ общеніемъ между людьми). Сообразно этому день раздѣляется Л. Н-чемъ такъ: 1) до завтрака, 2) до обѣда, 3) до полдника и 4) до вечера. И такимъ образомъ весь день Л. Н-ча наполняется трудомъ разумнымъ и радостнымъ.

И стоило Л. Н-чу осуществить этотъ планъ жизни, усвоить его и утвердиться въ немъ, какъ совершилось чудо: всѣ сложныя разрозненныя, запутанныя явленія жизни, окружавшія его, вдругъ стали ему ясны, и его положеніе среди этихъ явленій, прежде тяжелое, стало естественно и легко. И Л. Н-чъ собственнымъ опытомъ убѣдился, что первое и несомнѣнное дѣло, дѣло каждаго въ томъ, чтобы кормиться, одѣваться, отопляться и обстраиваться и этими-же самыми дѣлами служить другимъ людямъ. Каждый обязанъ участвовать въ борьбѣ съ природой для поддержанія жизни своей и другихъ людей. Эта обязанность всегда была и будетъ самою первою и несомнѣнною изъ всѣхъ другихъ обязанностей. Если человѣкъ, живя одинъ, уволить себя отъ этой обязанности, то онъ тотчасъ-же казнится тѣмъ, что тѣло его погибаетъ; если же человѣкъ уволить себя отъ этой обязанности, взваливъ ее на другихъ, то онъ тотчасъ-же казнится уничтоженіемъ разумной жизни, т. е. жизни, имѣющей разумный смыслъ *).

Въ исполненіи-же этой обязанности человѣкъ получаетъ удовлетвореніе тѣлесныхъ и духовныхъ

*) Это относится не только къ отдѣльному человѣку, но и къ цѣлому народу (см. «Письмо къ Китайцу» стр. 10).

потребностей своей природы: кормить, одѣвать, беречь себя—есть удовлетвореніе тѣлесной потребности: дѣлать тоже для другихъ людей—удовлетвореніе духовной потребности. Больше давайте людямъ, меньше берите отъ нихъ—вотъ практическое правило Л. Н. По личному-же своему опыту Л. Н. понималъ, что физическій трудъ есть законъ жизни, и въ наше время имѣеть двоякое значеніе: а) достоинство человѣка, его священный долгъ и обязанность употребить данныя ему руки и ноги на то, для чего они даны, и поглощаемую пищу на трудъ, производящій эту пищу, а не на то, чтобы они атрофировались, не на то, чтобы ихъ мыть и чистить и употреблять только на то, чтобы посредствомъ ихъ совать въ ротъ пищу, питье, папироски. Такое значеніе имѣеть занятіе физическимъ трудомъ для всякаго человѣка, во всякомъ обществѣ; но въ нашемъ обществѣ, гдѣ уклоненіе отъ этого закона природы сдѣлалось несчастіемъ цѣлаго круга людей, занятіе физическимъ трудомъ, получаетъ еще б) другое значеніе—значеніе проповѣди и дѣятельности, устраняющей страшныя бѣдствія, угрожающія человѣчеству*).

Вѣдь говорить, что для образованнаго человѣка занятіе физическимъ трудомъ есть ничтожное занятіе, это все равно, что говорить при постройкѣ храма: что-же важнаго въ томъ, чтобы положить одинъ камень ровно, на свое мѣсто.

*) И добавлю я въ 3-хъ,—по взгляду Ж. Пейо «Физическій трудъ есть начальная школа воли», что для меня особенно важно было узнать: вѣдь воспитаніе воли есть основа нравственнаго воспитанія, искусства владѣть собою, что въ жизни-то важнѣе всякой науки. (Стр. 165 въ «Восп. воли»).

Вѣдь всякое величайшее дѣло дѣлается именно въ условіяхъ незамѣтности, скромности, простоты; ни пахать, ни строить, ни пасти скотину, ни мыслить даже, нельзя при освѣщеніи, громѣ, блескѣ. Великія, истинныя дѣла—всегда просты, скромны. И таковое величайшее дѣло, предстоящее намъ:—разрѣшеніе тѣхъ страшныхъ противорѣчій, въ которыхъ мы живемъ. И дѣла, разрешающія эти противорѣчія, суть тѣ скромныя, незамѣтныя, кажущіяся смѣшными дѣла: служенія себѣ и физической работы для себя и, если можно для другихъ, которыя предстоятъ намъ, богатымъ людямъ, если мы понимаемъ несчастіе, безсовѣстность и опасность того положенія, въ которое мы попали. А попали мы въ такое болото, что дай Богъ, хоть кое-какъ, хоть на четверенькахъ выбраться на твердую почву!

На вопросъ: не нужно-ли организовать этотъ трудъ, устроивъ сообщество, Л. Н. отвѣтилъ себѣ: не нужно никакого, потому, что такой трудъ имѣетъ цѣлью не приобрѣтеніе праздности и пользованіе чужимъ трудомъ, а удовлетвореніе потребностей, самъ собою влечетъ къ землѣ, въ деревню, туда, гдѣ этотъ трудъ самый плодотворный и радостный. И трудящійся человекъ самъ собою естественно примыкаетъ къ сообществу людей трудящихся. На вопросъ: какого-же результата можно ожидать отъ этого труда, отъ этой капли нашего труда въ морѣ народнаго труда, получился отвѣтъ и удовлетворительный и неожиданный для Л. Н.-ча. Оказалось, что стоило ему, Л. Н.-чу, обратить въ привычку такой режимъ своей новой жизни, какъ тотчасъ-же большинство его ложныхъ, дорогихъ

привычекъ и требованій при физической праздности отпали отъ него безъ всякаго усилія съ его стороны. Въмѣсто сладкаго, жирнаго, утонченнаго, сложнаго, прянаго, стала нужна и болѣе всего пріятна самая простая пища: щи, каша, черный хлѣбъ, чай въ прикуску. Такимъ образомъ и потребности Л. Н-ча измѣнились вслѣдствіе рабочей жизни по мѣрѣ усвоенія пріемовъ работы и сократились требованія его трудовъ отъ другихъ людей— и жизнь его естественно, *) безъ усилій и лишеній приближалась къ такой простой, о которой онъ не могъ и мечтать безъ исполненія закона труда. Оказалось, что самыя дорогія требованія Л. Н-ча отъ жизни,—именно требованія тщеславія и разсѣянія отъ скуки **)—происходили прямо отъ праздной жизни. При физической же работѣ не было мѣста тщеславію и не было нужды въ разсѣяніи, такъ какъ все время пріятно было занято, и послѣ усталости, простой отдыхъ за чаемъ, за книгою, за разговоромъ съ близкими, былъ несравненно пріятнѣе театра, картъ, концерта, большого общества,—всѣхъ тѣхъ вещей, которыя нужны при физической праздности и стоятъ дорого.

*) Но можно-ли, но нужно-ли мѣнять свое положеніе по произволу? (См. стр. 18—19 «Для чего мы живемъ?»).

**) Тоже лѣкарство отъ общаго недуга, находимъ у другого мыслителя: «Мы ищемъ себѣ спасенія отъ скуки въ развлеченіи, но такоеразвлеченіе есть величайшее несчастіе именно потому, что оно мѣшаетъ намъ думать о смыслѣ своей жизни, и этимъ незамѣтно губить насъ. Безъ развлеченія мы будемъ, правда скучать, но за то скука заставитъ насъ искать разумнаго выхода изъ нея. А единственный разумный выходъ заключается въ разумной жизни». «Франц. ученый Паскаль». Составлено А. И. Орловымъ, стр. 78).

Опомниться и оглянуться на себя заставили Л. Н-ча, какъ сказано выше, страдавія; и когда передъ нимъ всталъ вопросъ: что же дѣлать, онъ отвѣтилъ себѣ: не лгать ни передъ людьми, ни передъ собою, не бояться истины, куда-бы она ни привела тебя. Это прежде всего. Не лгать въ нашемъ положеніи, говорилъ себѣ Л. Н-чъ, въ положеніи людей привилегированныхъ, значить не бояться уцѣться.

Можетъ быть уже такъ много долженъ, что и не разсчитаться: но какъ бы ни много было, все лучше, чѣмъ не считаться; какъ бы ни далеко зашелъ по ложной дорогѣ, все лучше, чѣмъ продолжать идти по ней. Ложь передъ другими только не выгодна: всякое дѣло всегда рѣшается прямою и короче правдой, чѣмъ ложью. Ложь передъ другими только запутываетъ дѣло и отдаляетъ рѣшеніе, но ложь передъ самимъ собою, выставленная за правду, губить всю жизнь человѣка. Если человѣкъ, выбравшійся на ложную дорогу, признаетъ ее настоящею, то всякій шагъ его по этой дорогѣ отдаляетъ его отъ цѣли; если человѣкъ, долго идущій по этой ложной дорогѣ, самъ догадается, или ему скажутъ, что эта дорога ложная, но онъ испугается мысли о томъ, какъ далеко онъ заѣхалъ въ сторону и постарается увѣрить себя, что онъ, можетъ быть, и тутъ выѣдетъ на путь, то онъ никогда не выѣдетъ.

Если человѣкъ сробѣетъ передъ истиною и, увидавъ ее, не признаетъ ее, а приметъ ложь за истину, то онъ никогда не узнаетъ, что ему дѣлать. Мы, люди не только богатые, но люди привилегированные, такъ называемые образованные,

такъ далеко зашли по ложной дорогѣ, что намъ надо или большую рѣшительность. или очень большія страданія, чтобы опомниться *) и признать ту ложь, которой мы живемъ. Я, говорилъ Л. Н-чъ, признавъ ложность пути, на которомъ стоялъ, имѣлъ смѣлости идти, прежде только одною мыслию, туда, куда меня вели разумъ и совѣсть безъ соображенія о томъ, къ чему они меня приведутъ.

И я былъ вознагражденъ за эту смѣлость, убѣжденно заявляетъ Л. Н-чъ.

Эта награда состояла для него въ томъ, что онъ нашелъ счастье, котораго онъ искалъ вездѣ и не находилъ, — тутъ около себя самого.

Формулируя кратко тотъ идеалъ **), къ которому мысленно пришелъ Л.-Н-чъ и который онъ поставилъ передъ собою, его должно выразить такъ: обязанность каждаго личнымъ, физическимъ трудомъ участвовать въ борьбѣ человечества съ природою, простота и правда жизни, разумная послѣдовательность въ удовлетвореніи потребностей, свободное, братское общеніе со всеми людьми.

Таковъ практическій, такъ сказать идеалъ, поставляемый Л. Н-чемъ передъ собою, передъ молодымъ поколѣніемъ и передъ тѣми, которые уклонились отъ общаго законатруда. Общій же его идеалъ — стремленіе къ нравственному совершенствованію, А стремленіе къ идеалу и есть истинная жизнь.

И когда онъ будетъ оцѣненъ по достоинству и принятъ, тогда жизнь должна будетъ измѣниться до неузнаваемости, такъ какъ онъ, этотъ идеалъ,

*) Что значить «опомниться»? См. въ ст. Л. Н. «Недѣланіе» стр. 204 (Произведен. самыхъ послѣднихъ лѣтъ, изд. 1895 г.).

**) О ложномъ идеалѣ нѣкотор. ученыхъ см. стр. 227 въ соч. Л. Н. «Что такое искусство?»

касается всѣхъ основъ жизни. И въ этомъ случаѣ главнѣйшая цѣль Л. Н-ча -- опять-таки призваніе человека къ духовной жизни, черезъ борьбу съ природой и съ самимъ собою,

Выше уже было замѣчено, что человекъ есть и животное и духовное существо, или иначе говоря, духовное существо, заключенное въ предѣлы своего тѣла. Если человекъ живетъ только какъ животное, жизнь его будетъ лишь жалкое существованіе *), но жить исключительно духовной жизнью человекъ также не призванъ -- онъ не ангель, а онъ призванъ въ тѣлѣ жить духовной жизнью.

О духѣ надо больше заботиться, чѣмъ о тѣлѣ **).

Духъ надо поставить выше всего, имъ надо жить.

Человекъ призванъ жить *преимущественно* духовной жизнью, стремясь къ большому и большому ея сознанію, къ освобожденію ея отъ всего того, что ее задерживаетъ и къ напряженію ея до высшей и высшей степеней.

Какъ назначеніе птицы -- летать, а не бѣгать ногами, такъ назначеніе человека -- жить духовной жизнью, а не тѣлесной ***).

*) «И съ горемъ и безъ горя ужасна жизнь человека, который воображаетъ, что только и свѣта, что въ окошкѣ, что только и жизни, что та частичка, которую мы знаемъ здѣсь» -- говорилъ Л. Н. И дѣйствительно: развѣ не ужасно положеніе того, кто не сознаетъ въ себѣ духовной жизни и ея роста? Была тѣлесная жизнь -- и та неудержимо уничтожается и вотъ -- вотъ исчезнетъ. (Кр. Чт. зт., стр. 555).

**) См. бесѣду Л. Н. съ детьми: «Вирж. Вѣд.» № 75, 29 марта 1907 г.

***) Жизнь, какъ личное существованіе, открыта человечествомъ безвозвратно. (См. стр. 71 «О жизни»).

Растите духовно и помогайте расти такъ другимъ: въ этомъ вся жизнь—вотъ практическое правило Л. Н-ча.

Что же такое это—духъ?

Духъ, духовное начало, духовное существо—это, говоритъ Л. Н., есть нѣчто не измѣнное, всегда равное самому себѣ, присущее всякому чело-вѣку *) начало, познаваемое имъ въ своемъ со-знаніи.

Онъ есть то, что почерпаетъ свое неизсякае-мое содержаніе изъ самого себя.

Онъ совершенно противоположенъ тѣлу, въ которое заключенъ какъ въ предѣлы.

Предѣлы те эти одни и движутся, т. е. из-мѣняются въ пространствѣ и времени.

Но намъ кажется, что движется само духов-ное существо.

Но это только кажется—такъ же, какъ ка-жется, что за неподвижными (будто-бы) облаками бѣжитъ мѣсяцъ.

Въ дѣйствительности же происходитъ об-ратное.

То же и съ духомъ и тѣломъ.

Отъ того, что беретъ перевѣсъ въ чело-вѣкѣ—тѣло или духъ—является плотская или духовная жизнь (мірская или божеская—по терминологіи евангелія); отсюда же различіе: плотской, времен-ной жизни отъ духовной, не временной, истин-ной жизни.

*) Особенно въ бесѣдѣ съ Никодим. сказано такъ яс-но и точно объ этомъ началѣ, какъ нельзя болѣе (Ин. III, 1-21). Отсюда съ поразительной ясностью вытекаетъ положеніе, что—духовное начало живетъ свободно, разумно и внѣ причины и цѣли.

Практическое значеніе разъясненія различія этихъ двухъ понятій то, что изъ сознанія того, что истинная жизнь заключается только въ духовномъ существѣ, вытекаетъ все то, что называется добродѣтелью (воздержаніе, безстрашіе, самоотверженіе) и что даетъ наибольшее благо людямъ.

Изъ этого же сознанія (оно же совѣсть) вытекаетъ то, что составляетъ основу всѣхъ добродѣтелей, т. е. любовь, т. е. признаніе собою жизни всѣхъ существъ міра.

Размѣры статьи не позволяютъ мнѣ углубиться въ болѣе подробное разсмотрѣніе ученія Л. Н-ча объ этомъ предметѣ, ученія исполненнаго необычайнаго интереса, раскрывающаго въ строгой и стройной постепенности вопросы, обнимающіе понятіе «истинной жизни», *) какъ то: гдѣ хранится истинная жизнь, въ чемъ состоитъ ея обнаруженіе, какому закону она подчиняется, какъ отрицательно можно ее опредѣлить, гдѣ, когда, при какихъ условіяхъ она обнаруживается, чѣмъ она положительно опредѣляется, каково ея отношеніе къ тѣлесной жизни, какъ, почему, когда и гдѣ она зарождается, въ чемъ заключается ея дѣятельность, что составляетъ ея основу и тому подобные вопросы, —припомню лишь два момента изъ этого ученія, съ такой силой поразившіе мое вниманіе, особенно глубоко врѣзавшіеся мнѣ въ память, наиболѣе характерные: а) о вступленіи человѣка въ истинную жизнь (или о необходимости, о неизбѣж-

*) Все соч. Л. Н-ча «О жизни» посвящено этому предмету. Вотъ доказательство, что отнынѣ мы имѣемъ свою собственную самобытную философію, какъ плодъ народнаго генія, вопреки мнѣнію г. Петрова, что у насъ ея нѣтъ (см. его «Школа и жизнь»—стр. 156).

ности работы надъ своимъ «Я», какъ жизненной задачи всякаго человѣка) и б) чѣмъ опредѣляется истинная жизнь и въ чемъ она заключается.

Всугупленіе въ истинную жизнь и жизнь человѣка, говорить Л. Н-чъ, подобны тому, что совершается съ лошадыю, которую хозяинъ выводитъ изъ конюшни и впрягаетъ. Лошади, выходящей изъ конюшни и увидавшей свѣтъ и почувывшей свободу, влжется, что въ этой то свободѣ—и жизнь, но ее впрягаютъ и трогаютъ. Она чувствуетъ за собоютяжестъ и, если она думаетъ, что жизнь ея въ томъ, чтобы бѣгать на свободѣ, она начинаетъ биться, надаеть, убивается иногда. Но если она не убьется, ей только два выхода: она пойдетъ и повзетъ, и увидить, что тяжесть не велика и ѣзда не мука, а радость, или отобьется отъ рукъ, и тогда хозяинъ сведетъ ее на рушильное колесо, привяжетъ арканомъ къ стѣнѣ, колесо завертнется подъ ней, и она будетъ ходить въ темнотѣ на одномъ мѣстѣ, страдая, но ея силы не пропадутъ даромъ; она сдѣлаетъ свою невольную работу, и законъ исполнится и на ней. Разница будетъ только въ томъ, что первая будетъ работать радостно, вторая невольно и мучительно *).

Опредѣляется истинная жизнь не временемъ и пространствомъ, а только степенью подчиненія своей животной личности закону разума.

*) См. стр. 59 въ тр. «О жизни».

Животная личность (тѣлесная жизнь)—это орудіе для работы надъ духовнымъ достояніемъ, это лопата для постройки зданія духовнаго совершенствованія,—говоритъ Л. Н.

Отношеніе этой истинной жизни къ животной жизни наглядно изображается Л. Н. такъ:

Человѣкъ начинаетъ жиѣ истинной жизнью, т. е. поднимается на нѣкоторую высоту надъ жизнью животной, и съ этой высоты видитъ прозрачность своего животнаго существованія, неизбежно кончающагося смертью, видитъ, что существованіе его въ плоскости обрывается со всѣхъ сторонъ пропастями *) , и, не признавая, что этотъ подъемъ въ высоту и есть сама жизнь, ужасается передъ тѣмъ, что онъ увидалъ съ высоты. Въмѣсто того, чтобы признавъ силу, поднимающую его въ высоту, свою жизнь, идти по открывшемуся ему направленію, онъ ужасается передъ тѣмъ, что открылось ему съ высоты, и нарочно спускается внизъ, ложится какъ можно ниже, чтобы не видать обрывовъ, открывающихся ему. Но сила разумнаго сознанія опять поднимаетъ его, опять онъ видитъ, опять ужасается, и, чтобы не видѣть, опять припадаетъ къ землѣ **). И это продолжается до тѣхъ поръ, пока онъ наконецъ не признаетъ, что для того, чтобы спастись отъ ужаса передъ увлекающимъ его движеніемъ погибельной жизни, ему надо понять, что его движеніе въ плоскости—его пространственное и временное существованіе—не есть его жизнь, а что жизнь его только въ движеніи въ высоту, что только въ подчиненіи его личности закону разума и заключается

*) Каждый изъ насъ какъ солдатъ ген. Стесселя въ Портъ-Артурѣ, который говорилъ нѣмцѣмъ: ребята, мужайтесь! съ трехъ сторонъ насъ окружаетъ глубокое море, съ четвертой—завѣный неприятель...

***) Припадать къ землѣ—значить отдаваться исключительно плотской жизни, удовлетворенію похотей,—спрогножать жизньъ.

возможность жизни и блага. Ему надо понять, что у него есть крылья, поднимающія его надъ бездной, что если-бы не было этихъ крыльевъ, онъ никогда и не поднимался-бы въ высоту и не видалъ-бы бездны. Ему надо повѣрить въ свои крылья и летѣть туда, куда, они его влекутъ*).

Послѣдними мочми вопросами ко Л. Н-чу, долженствовавшими окончательно уяснить суть дѣла, были слѣдующіе, на которые послѣдовалъ такой отвѣтъ:

Вы спрашиваете, для чего жить, какъ жить, и что дѣлать, чтобы имѣть право на жизнь?

Прежде всего надо переставить вопросы и прежде отвѣтить на вопросъ: какъ жить, а потомъ уже постараться понять—для чего жить. Жить надо; прежде всякаго разсужденія мы жили и живемъ; каждая сутки спимъ, нѣсколько разъ ѣдимъ, движемся, мыслимъ. Мы всѣ, какъ лошадь на топчакѣ, колесо котораго вертится подъ нами и заставляетъ насъ двигаться, не можемъ не жить, и потому первый и главный вопросъ,—по моему, единственный разумный—въ томъ, какъ жить? Отвѣтъ первый мы всѣ знаемъ, и вы знаете: какъ можно лучше. Такъ всѣ люди жили, т. е. стремясь къ этому, такъ живутъ и такъ будутъ жить. Второй вопросъ: что значитъ лучше? Въ чемъ лучше? Отвѣтъ для человѣка, знающаго только себя—ясенъ: какъ можно больше наслажденій. Но какъ только человѣкъ понялъ, что онъ не одинъ (на свѣтѣ), почувствовалъ страданія другихъ лю-

*) «О жизни»—стр. 54—55.

дей, такъ первый отвѣтъ уже не удовлетворяетъ, является противорѣчіе личныхъ стремленій къ наслажденію и совѣсти. Вотъ въ этомъ противорѣчій вы и находитесь. И чтобы разрѣшить его, надо отдаться одной изъ двухъ силъ: стремленію къ благу личному, или совѣсти, и отдаться совершенно, безъ исключенія, безъ отговорокъ и компромиссовъ.

Отдаться же стремленію къ личному счастью или совѣсти не значитъ то, чтобы заглушить въ себѣ голосъ совѣсти или личнаго счастья, но значитъ то, чтобы въ сознаніи своемъ признать *жизнью, истинной жизнью* только одно изъ двухъ. (Страданія, сомнѣнія происходятъ отъ нерѣшенности вопроса въ сознаніи). Еслибы было то, что ваши требованія правды не суть требованія вашей совѣсти, а навѣянное вамъ извнѣ, то, отрекшись отъ совѣсти, вы успокоитесь и будете жить и наслаждаться, пока можете (Разумѣется это кончится страданіемъ, я знаю это. Но вы не можете повѣрить этому на слово, если требованія совѣсти въ васъ еще не проснулись пока). Но они должны проснуться *), потому что движеніе всего человѣчества идетъ отъ стремленія къ личному благу — къ требованіямъ совѣсти. Если же совѣсть проснулась въ васъ, то признайте разъ навсегда, что жизнь только въ удовлетвореніи требованій этой совѣсти, и тогда вы опять будете спокойны, и жизнь получитъ для васъ смыслъ. Потому что, что такое совѣсть? Совѣсть есть тотъ высшій за-

*) Человѣкъ, не знающій добра и зла, кажется счастливымъ, но онъ неудержимо стремится къ этому познанію (Стр. 356 ч. 13 соч. Л. Н.-ча.).

конъ всего живущаго, который каждый сознаетъ въ себѣ не только признаніемъ правъ этого всего живущаго, но любовью къ нему. Трѣбованія совѣсти суть то, что на христіанскомъ языкѣ называется волей Бога, и потому смыслъ жизни и отвѣтъ на оба вопроса: для чего жить и какъ сдѣлать, чтобы имѣть право жить?—состоитъ въ томъ, чтобы исполнять волю Бога, сознаваемую нами въ нашей совѣсти. Къ чему именно приведетъ васъ это? Я не знаю, но знаю, что ясное сознаніе этого измѣнитъ всю вашу виѣшнюю жизнь и приведетъ къ тому, что дастъ вашей жизни постоянный, все болѣе и болѣе уясняющійся, радостный и разумный смыслъ. Если же вамъ не ясно, чего требуетъ совѣсть, то отвѣтъ на это даетъ евангеліе *).

Сдѣлаю резюме изъ всего сказаннаго.

Я очертилъ, какъ могъ тщательно, нравственный обликъ великаго моралиста и намѣтилъ выдающіеся пункты его этического ученія. Все оно, какъ и все великое, гениальное, отличается замѣчательной простотой, ясностью, удобопонятностью и можетъ быть выражено въ своемъ существѣ двумя тремя словами, многоразличными по формѣ, но одинаковыми по содержанію, а именно: живи по совѣсти, живи по Божьи, твори волю Божію, ищи царства Божія и т. п. Но оно просто, когда его поймешь, когда выведешь эти краткія

*) См. стр. 13 въ соч. Л. Н.-ча «Для чего мы живемъ?»
Въ Евангеліи Л. Н. нашель полные отвѣты на *всѣ* вопросы жизни.

Здѣсь онъ нашель для себя непоколебимую точку опоры. Вспоминаю Архимеда: дайте мнѣ, говорилъ онъ, точку опоры.—и я поверну землю. Не тотъ же ли законъ дѣйствовать въ духовномъ мѣрѣ?

положенія изъ многихъ, быть можетъ, сотни посылокъ, а для этого нужно не мало положить труда и вдумчивости. Самому автору его оно стоило величайшихъ усилій и напряженія ума и сердца, потребовало массу времени, жертвы всёхъ его огромныхъ дарованій—и въ этомъ его великій и святой подвигъ—изложить и объяснить это ученіе духа *), которое даетъ новъ и новому и принявшему его то великое благо, которое только доступно человѣку на землѣ:—свободу, радость.

На мою долю выпало рѣдкое счастье наблюдать и самую жизнь гениальнаго моралиста—реформатора и изучить исподволь его ученіе по мѣрѣ того, какъ оно частями выходило изъ подъ его пера. Самъ творецъ его можетъ служить достойнымъ примѣромъ приложенія этой новой **) (въ извѣстномъ смыслѣ) доктрины къ жизни, тѣмъ самымъ доказывая ея приложимость, практичность и жизненность. Буду же глубоко благодаренъ своему руководителю, который вдохнулъ въ меня горячую любовь къ истинѣ, указалъ наилучшіе способы ея отысканія и постигновенія, указалъ источникъ ея, поставилъ меня на первую ступень той лѣстницы, по которой слѣдуетъ подниматься выше и выше, который временемъ входилъ въ непосредственное соприкосновеніе съ ученикомъ,—въ тѣсное общеніе съ его душою, оказавъ тѣмъ то благосъзнательное личное вліяніе, которое не можетъ быть замѣнено ничѣмъ.

*) См. Біографію Л. Н. Т-го, составл. П. Бирюковымъ, стр. 250, т. I,

**) См. приложеніе къ Трактату «О жизни»—«О новомъ жизнепониманіи».

Хорошей для нашего времени характеристикой всей вообще литературной дѣятельности Л. Н. Т-го, творенія котораго пройдутъ въ вѣка, и въ нихъ найдутъ вполне достойную себя оцѣнку, могутъ служить слѣдующія строфы, которыя и будутъ заключительнымъ аккордомъ моего изложенія.

Кто не страдалъ святымъ страданьемъ,
Кто горькихъ слезъ не проливалъ.
Томимый тщетнымъ ожиданьемъ
Увидѣть вѣчный идеалъ;

Кто на покой и наслажденья
Души тревоги промѣнялъ;
Въ пророковъ истины каменя
Въ угоду черни кто бросалъ;

Кто равнодушно видѣлъ муки,
Сонъ слышалъ брата своего,
И въ комъ цѣпей тяжелыхъ звуки
Не пробуждали ничего;

Кто, самъ преданья рабъ послушный,
Готовъ оковы былъ носить
И вопли сердца малодушно
Въ забавахъ свѣта заглушить,

Тотъ не пойметъ твоихъ созданій,
Любовью дышащихъ святой,
И въ жизнь иную упованій
Не раздѣлитъ ему съ тобой!

И много ихъ въ толпѣ найдется —
Злыхъ, фарисеевъ и глумцовъ,
Живущихъ мыслями отцовъ,
Въ комъ рѣчь твоя не отзовется.

Но ты иди прямой дорогой
Привычной, смѣлою стопой!

Когда въ душѣ сокровищъ много,
Не расточай ихъ предъ толпой.
 Но будь гонимыхъ утѣшитель,
 Врагамъ озлобленнымъ прости,
 И вѣрь, что встрѣтишь, какъ Спаситель,
 Учениковъ ты на пути...
Но будетъ время... Пронесутся
Дни бѣдствій, горя и тревогъ.
Жрецы Ваала ужаснутся,
Когда возстанетъ правды Богъ!
 Навѣи въ мѣръ водворится
 Священной истины законъ
 И гордыхъ власть предъ нимъ смрится
 И смолкнетъ несправность племенъ.
Да, вѣрь: любви и примиренья
Пора желанная придетъ,
И мѣръ, прозрѣвъ твоѣ ученье,
Тебя великимъ назоветъ. *)

*) Изъ стихотвор. Плещеева.

Склады изданія:

1. **Въ Москвѣ:** книжный магазинъ Карбасникова (Моховая ул., д. Баженова, близь Университета).

2. **Въ С.-Петербургѣ:** книжн. магазинъ Скимунта и К^о (Невскій, № 60).

3. Въ г. Романовѣ, — Ярославской губ., (Казанск. у., д. № 10, у составителя-издателя).

Ц ѣ н а 2 0 к.

